

ВАЛЕРИЙ ЗАМУЛИН

КУРСК - 43

КАК ГОТОВИЛАСЬ
БИТВА «ТИТАНОВ»

КНИГА 2

Подлинная история великих войн

Валерий Замулин

**Курск-43. Как готовилась
битва «титанов». Книга 2**

«Яуза»

2019

УДК 327
ББК 66.4

Замулин В. Н.

Курск-43. Как готовилась битва «титанов». Книга 2 /
В. Н. Замулин — «Яуза», 2019 — (Подлинная история великих
войн)

ISBN 978-5-6040915-7-9

Во второй книге своего двухтомника «Курск-43. Как готовилась битва титанов» известный ученый, кандидат исторических наук В.Н. Замулин реконструирует процесс формирования замысла и подготовки военно-политическим руководством СССР первого этапа битвы на Огненной дуге – Курской оборонительной операции. Благодаря привлечению значительного числа малоизвестных и ранее не вводившихся в научный оборот документов, советских и трофейных, автору удается достоверно восстановить напряженную работу Ставки Верховного Главнокомандования и руководства фронтов в районе Курской дуги. Раскрываются советский план обороны и система мер для восстановления войск Центрального и Воронежского фронтов после боёв зимой 1942-1943 гг., их усиление перед летней кампанией.

УДК 327
ББК 66.4

ISBN 978-5-6040915-7-9

© Замулин В. Н., 2019
© Яуза, 2019

Содержание

Слово к читателю	5
Глава 1	9
1.1. Как принималось решение о преднамеренной обороне	9
1.2. Подготовка к Курской битве: планирование, возведение полевой обороны, восстановление и пополнение войск	43
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Валерий Замулин

Курск-43. Как готовилась битва «титанов». Книга 2

Слово к читателю

Содержание Курской битвы было определено советскими военными историками сразу после войны. По их мнению, она состояла из трёх стратегических операций: Курской оборонительной, Орловской и Белгородско-Харьковской наступательных, которые проводились войсками Красной Армии с 5 июля по 23 августа 1943 г., т.е. в течение 50 суток. А окончательно в историографии и нашем обществе эта точка зрения, вместе с оценкой битвы как одного из двух ключевых событий, поворотного этапа Великой Отечественной войне закрепилась примерно через четверть века после её завершения. В первой и единственной монографии, посвященной боям на Огненной дуге, написанной на документальном материале в конце 1960-х г., полковники Г.А. Колтунов и Б.Г. Соловьёв справедливо отмечали: *«Разгромом противника под Курском и сокрушением его обороны на Днепре завершился коренной перелом в войне»*¹. Однако всестороннее изучение важнейших аспектов этого ключевого момента противостояния Советского Союза и Германии, в том числе и таких, как зарождение замысла и процесс планирования Курской оборонительной операции, а также подготовка войск для её реализации, за минувшие 75 лет так и не было проведено. Основная причина этого, на мой взгляд, заключается в том, что на протяжении всего послевоенного периода история битвы под Курском не была самоцелью отечественных ученых, а использовалась главным образом в идеологической борьбы с буржуазными фальсификаторами истории, а также для *«показа направляющей и руководящей роли Коммунистической партии и её Центрального Комитета в организации борьбы Красной Армии и всего советского народа с врагом»*². Например, по заявлению авторов упомянутой выше монографии, одной из главных их задач в ходе её подготовки являлась *«научно обоснованная критика преднамеренного искажения буржуазной историографией событий под Курском»*³. Поэтому все, что не относилось к этой проблематике, в советский период для историков официально считалось второстепенным, отвлекающим от главного направления их деятельности «на переднем крае идеологического фронта».

¹ Колтунов Г.А., Соловьёв Б.Г. Курская битва. М.: Воениздат, 1970. С. 5.

² Колтунов Г.А., Соловьёв Б.Г. Курская битва. М.: Воениздат, 1970. С.11,12.

³ Там же. С. 11.

Вместе с тем на работу советских ученых негативное влияние оказывали и другие проблемы. Как известно, объективность выводов исследователя во многом зависит от того, насколько полно подобран и правильно проанализирован фактологический и статистический материал. В отношении событий под Курском этого можно было достичь, лишь обладая всем комплексом архивных источников, однако к документам Ставки ВГК и Генерального штаба даже военных специалистов в то время не допускали, да их, как потом оказалось, и не было в нужном объёме. И.В. Сталин, даже самым доверенным лицам, высшему командному составу Красной Армии, запрещал вести записи во время проводившихся у него совещаний, а рабочие тетради с тезисами решений и задачами по их итогам участники должны были уничтожать через относительно короткое время. Кроме того, сразу после Победы он запретил полководцам и военачальникам издавать мемуары о событиях 1941-1945 гг. В результате ценнейшая информация по ключевым проблемам ведения войны и крупным операциям, в том числе и проводившимся под Курском летом 1943 г., оказалась потеряна безвозвратно. Поэтому сегодня мы имеем лишь общее представление того, как велось планирование Курской оборонительной операции, да и то главным образом на основе мемуаров участников событий Маршалов Советского Союза Г.К. Жукова, А.М. Василевского, К.К. Рокоссовского и генерала армии С.М. Штеменко.

Скудность Источниковой базы стала причиной слабой изученности советскими учеными и процесса подготовки войск к летним боям, прежде всего вопросов восстановления соединений Центрального и Воронежского фронтов и создания их обороны с конца апреля и до начала июля 1943 г. Во время нашей встречи в 1999 г. Г.А. Колтунов передал мне два блока сшитых между собой документов общим объёмом около 500 страниц, которые ему с Б.Г. Соловьёвым были присланы из Министерства обороны СССР для работы над книгой. Их анализ свидетельствует, что единственное серьёзное отечественное исследование о Курской битве писалось лишь на отчетах армий и фронтов. Оперативные же документы даже фронтовых управлений, в том числе за апрель – июнь 1943 г., когда шло пополнение войск в районе Курска, не привлекались. Поэтому говорить о всестороннем анализе проблем подготовки Курской оборонительной операции авторами книги не приходится. К сожалению, и сегодня, когда доступ к архивам стал значительно свободнее, в нашей стране не издано ни одной монографии по этой теме на новом документальном материале.

Это обстоятельство и стало одним из важных мотивов для подготовки второй книги двухтомника, которая перед вами. Главная её цель – на примере Курской оборонительной операции, первой из трех, составивших битву на Огненной дуге, опираясь на ранее неизвестный материал, показать современному читателю колоссальный масштаб, сложность и трудоемкость работы, проделанной военно-политическим руководством СССР, командованием Красной Армии, её бойцами и командирами, всем советским народом, при подготовке боевых действий переломного этапа войны, а также раскрыть достигнутые к началу июня 1943 г. результаты, позволившие одержать убедительную победу над опытным противником, ещё сохранявшим большой боевой потенциал.

В книге три главы, первая посвящена процессу формирования замысла и выработке плана Курской оборонительной операции, во второй анализируются мероприятия Ставки ВГК, Генерального штаба, руководства Центрального и Воронежского фронтов по восстановлению войск после боёв зимой 1942/43 г. и их усиления перед летней кампанией, в третьей описано начало реализации командованием Красной Армии и вермахта своих планов в районе Курского выступа в конце июня – начале июля 1943 г., а также рассматриваются крупные проблемы, возникшие у них в этот период. При подготовке всех трех глав, наряду с уже известными архивными источниками и воспоминаниями участников, использован комплекс советских документов, ставших доступными для исследователей в последние несколько лет, и прежде всего оперативный материал штабов вплоть до дивизии и даже бригады. Наиболее зна-

чимым и интересным явились документы отделов укомплектования Центрального, Воронежского и Степного фронтов за первую половину 1943 г., которые позволили проследить динамику наращивания их сил, выявить проблемы с которыми столкнулась советская сторона в ходе этой масштабной работы и вскрыть методы, с помощью которых были реализованы намеченные планы. Кроме того, для ответа на ряд важных вопросов, которые активно обсуждались отечественными и зарубежными учеными в послевоенный период, таких, как, например, «Могла ли Германия выиграть Курскую битву, если бы она началась в мае или в первых числах июня 1943 г.?» или «Настолько эффективной оказалась контрартподготовка войск Центрального и Воронежского фронтов в ночь на 5 июля 1943 г.?»», а также для третьей главы, был привлечен широкий круг трофейных источников из Национального архива США, которые, на мой взгляд, позволяют не только расширить наше представление о тех событиях, уточнить ряд фактов и деталей, но и дать более взвешенную, обоснованную оценку процессам, происходившим в войсках противоборствующих сторон весной и в начале лета 1943 г.

В первой главе акцент сделан на детальную реконструкцию деятельности командования всех уровней при разработке общего замысла Курской оборонительной операции, планов каждого из фронтов, удерживавших Курский выступ, и их системы полевой обороны, а также по контролю за их реализацией и корректировкой в зависимости от складывавшейся в течение апреля-июня обстановки, выявлению факторов, которые положительно и отрицательно влияли на эту большую и многоплановую работу. Все события в войсках на севере и юге Курской дуги в книге рассматриваются параллельно, в строгой хронологической последовательности, что позволяет дать объемную картину подготовки к Курской битве и определить особенности этой работы в каждом из фронтов. Вместе с тем в первой главе предпринята попытка провести параллельный анализ результатов деятельности разведорганов с процессом планирования оборонительной операции под Курском в динамике, т.е. с апреля по июнь 1943 г., с целью оценить степень влияния данных спецслужб (следовательно, и их эффективность) на работу Ставки и фронтовых штабов в этот период. Кроме того, на документальном материале, ранее не вводимом в научный оборот, раскрывается и процесс формирования Степного военного округа (впоследствии – фронт). Такая форма объединения своих резервов как округ Ставкой ВГК была впервые опробована именно перед Курской битвой и показала высокую эффективность. Стратегические резервы, укомплектованные и обученные за три месяца до начала боёв, внесли огромный вклад и в победу на Огненной дуге, и в успех всей летней кампании 1943 г.

Один из наиболее интересных и важных разделов второй главы посвящен анализу и оценке уровня профессиональной подготовки старшего и высшего командного звеньев Центрального и Воронежского фронтов. Особенно детально в книге рассматривается непростая ситуация в руководстве 70-й и 48-й армий Центрального фронта, сложившаяся весной 1943 г., а также подробно анализируются социально-демографические данные и профессиональные качества командиров стрелковых дивизий, которые составляли основу фронтов, оборонявших Курскую дугу. Материал для этого раздела собирался мной более 15 лет, причем не только в крупных отечественных архивах, прежде всего ЦАМО РФ, музеях, но и у их родственников по всей России и в республиках бывшего СССР. В главе также приведен значительный массив недавно рассекреченных статистических данных о состоянии соединений трех основных родов войск (стрелковых, танковых и артиллерийских) Центрального и Воронежского фронтов и их обороны к началу боёв.

Третья глава является как бы объединяющей для обеих книг двухтомника. В ней впервые в отечественной историографии реконструированы события, завершившие подготовку вермах-

том Курской битвы – процесс сосредоточения на исходных позициях ударных группировок ГА «Центр» и «Юг», раскрыт план её маскировки, дана оценка его эффективности, а также проанализирована работа, проведенная руководством штабов Центрального и Воронежского

фронтов в конце июня – начале июля по определению даты и времени начала наступления германских войск.

В книгу включено приложение со значительным статистическим материалом, сведенным в таблицы, который поможет читателю глубже осмыслить изложенное в тексте книги. Кроме того, она иллюстрирована редкими фотографиями, собранными в отечественных и зарубежных архивах, в музеях и частных собраниях.

Я признателен всем, кто оказал мне помощь в работе над монографией за терпение, понимание, потраченное время и готовность внести свой посильный вклад в изучение истории нашего Отечества.

Выражаю особую признательность за большую всестороннюю помощь в её подготовке великолепному организатору и ученому, ректору Юго-Западного государственного университета, доктору технических наук, профессору Сергею Геннадьевичу Емельянову.

Также хочу отметить вклад в очень трудоёмкую техническую работу над книгой и поблагодарить за большую товарищескую помощь по переводу собранного трофейного материала замечательного ученого, доктора наук Алексея Борисовича Шевелева и человека, посвятившего себя делу сохранения памяти о подвиге воинов Красной Армии в борьбе с фашизмом, гражданина ФРГ Алексея Владимировича Кислицына.

Надеюсь, что моя новая работа так же, как и прежние книги, будет с интересом принята и специалистами, и любителями истории. Тем, кто захочет поделиться впечатлениями о ней предлагаю писать на мой почтовый ящик в Интернете по адресу: vaLery-zamuLin@yandex.ru. Буду рад неравнодушным собеседникам, стремящимся узнать историю России.

Валерий Замулин, 5 июля 2018 г.

Глава 1

«Лучше будет, если мы измотаем противника на нашей обороне...»

1.1. Как принималось решение о преднамеренной обороне

Строки, вынесенные в название главы, взяты из доклада И. В. Сталину его заместителя Маршала Советского Союза Г. К. Жукова⁴ от 8 апреля 1943 г., именно они легли в основу замысла Курской стратегической оборонительной операции, которая явилась ключевым элементом всей летней кампании, хотя её планирование началось примерно за два месяца до этого момента. Вся работу Ставки ВГК и Генерального штаба по данной проблеме можно разделить на три основных этапа.

Первый – длился с января по 12 апреля 1943 г. включительно. Его главным содержанием стало: концентрация сил Красной Армии и ресурсов страны для её усиления, выработка общего замысла оборонительного этапа летней кампании и принятие предварительного решения о переходе к преднамеренной обороне. В конце этого периода и был подготовлен цитировавшийся в начале главы документ.

Второй – имел не столь значительную протяжённость, он продлился с 13 апреля по середину мая. В это время в основном были реализованы решения Ставки, принятые 12 апреля, результатом которых стали:

- полная готовность войск Центрального и Воронежского фронтов к обороне;
- выполнение фортификационных работ первой очереди на оборонительных полосах в районе Курского выступа и начало реализации плана второй очереди;
- завершение первого этапа планирования летней кампании.

Третий этап продлился с середины мая по 4 июля 1943 г.

В ходе его:

- предварительное решение о преднамеренной обороне Ставка утвердила как окончательное, и оно легло в основу первого (оборонительного) этапа летней кампании, который вошёл в историю как Курская битва или отражение удара немецких войск в рамках операции «Цитадель»;

- глубоко эшелонированная оборона в районе Курского выступа приобрела окончательную форму, а войска Рокоссовского и Ватутина, вместе с весенним периодом боевой учёбы, завершили и подготовку для её использования;

⁴ Жуков Георгий Константинович (1896-1974), Маршал Советского Союза (1943), четырежды Герой Советского Союза (1939, 1943, 1944, 1956). Участник Гражданской войны и военного конфликта на р. Халхин-Гол (1939). С 1940 г. командующий войсками Киевского Особого военного округа. В январе-июле 1941 г. – начальник Генштаба Красной Армии, с 26.08.1942 г. и до конца войны – заместитель Верховного главнокомандующего, с 26 августа 1942 г. – первый заместитель наркома обороны СССР. С 17 по 27.03.1943 г. в качестве представителя Ставки ВГК находился на Воронежском фронте с целью локализации прорыва войск ГА «Юг» в районе Белгорода. Один из ключевых организаторов обороны под Курском и подготовки Красной Армии к летней кампании 1943 г. Представитель Ставки ВГК: 4 – 9.07.1943 г. – на Центральном, 10-12.07.1943 г. – на Западном, с 13.07.1943 г. и до окончания Курской битвы – на Воронежском и Степном фронтах. С 02.1944 г. – командующий 1-м Украинским, а с 11.1944 г. и до конца войны – 1-м Белорусским фронтом. 8.05.1945 г. от имени Верховного Главнокомандования Красной Армии принял капитуляцию Германии. За вклад в разгром врага в годы Великой Отечественной войны удостоен двух высших полководческих орденов «Победа» (№1, 4). 24.06.1945 г. принимал Парад Победы в Москве. В 1945-1946 гг. – главнокомандующий Группой советских войск и глава Советской военной администрации в Германии, затем – командующий Сухопутными войсками и ряда военных округов. В 1955-1957 гг. – министр обороны СССР. С 1958 г. в отставке. О подготовке Красной Армии к Курской битве и о своём участии в ней писал в книге мемуаров «Воспоминания и размышления», которая была издана в 1970 г.

– полностью закончилось планирование и отработка войсками летней кампании 1943 г., Генеральный штаб и командование Западного, Брянского, Центрального, Воронежского и Юго-Западного фронтов отработали всю необходимую документацию по предстоящим операциям (оборонительным и в основном наступательным⁵), провели учения и штабные игры;

– полностью были укомплектованы и обучены войска стратегического резерва Ставки ВГК – Степного ВО, который вместе с Воронежским и Юго-Западными фронтами должен был стать главным инструментом наступательного этапа летней кампании в юго-западном секторе советско-германского фронта, главной целью которого был разгром ГА «Юг» и освобождение Украины.

Приступая к освещению первого этапа, важно помнить, в каком положении находился в это время Советский Союз, и возможности его вооруженных сил. Только за период с 22 июня по начало ноября 1941 г. он лишился территории, на которой проживало 42% населения, производилось 33% валовой продукции всей промышленности, выплавлялось 71% чугуна и около 60% стали, располагалось 47% всех посевных площадей, выращивалось 38% валовой продукции зерна, находилось почти 60% поголовья свиней и 38% крупного рогатого скота⁶. И все это было потеряно только за первые четыре месяца войны! А ведь потом были трагические события под Харьковом, прорыв противника к Волге и на Северный Кавказ, огромные людские жертвы и материальный ущерб. И тем не менее «колосс на глиняных ногах», как называл СССР создатель Третьего рейха, не просто устоял. Эвакуировав значительную часть предприятий, он восстановил на востоке страны промышленность, которая уже в первой половине 1942 г. начала постепенно наращивать выпуск военной продукции. Причём уже через год, в конце января 1943 г., её объёмы стали настолько значительны, что руководство Генштаба РККА, понимая невозможность достижения окончательного перелома в войне без мощных резервов, посчитало возможным обратиться в Ставку с предложением: направлять новое вооружение и технику не только для покрытия текущих нужд действующей армии, но и на формирование стратегических резервов. В то же время следует подчеркнуть, что Германия, несмотря на огромный потенциал, который она задействовала в этой войне, в том числе и промышленно развитых стран оккупированной Европы, в это время уже не могла соперничать с СССР. По данным Г.А. Колтунова и Б.С. Соловьёва, в 1943 г. военное производство относительно довоенного уровня в нашей стране выросло в 4,3 раза, а Третьем рейхе – лишь в 2,3⁷. Таким образом, несмотря на потрясения и утраты, советская экономическая модель оказалась не просто жизнеспособной, но и более эффективней любой из европейских стран, в том числе и Германии, которая поглотила практически всю Европу. Естественно, тогда эти цифры не были известны противоборствующим сторонам, но о том, что мощь Советского Союза растёт и крепнет быстрыми темпами, свидетельствовали серьёзные успехи его вооруженных сил после тяжелых поражений 1942 г.

Поэтому, опираясь на созданный в Поволжье, на Урале и в Сибири внушительный промышленный потенциал и крупные победы на фронтах, Москва на излёте зимы 1942/43 г., принимает важное политическое решение: настал момент окончательно изгнать захватчиков за пределы СССР и перенести боевые действия на их территорию. К концу 1943 г. Красной Армии предстояло полностью очистить оккупированную часть страны от неприятеля. Однако двадцать месяцев кровопролитной борьбы не прошли даром. В документах Ставки начинает прослеживаться, особенно после второго захвата немцами Харькова, стремление отойти от шапкозакидательских подходов при решении стратегических проблем, как это было в начале 1942

⁵ Обычный документальный план наступательной операции «Полководец Румянцев» не готовился, директива Ставки по его утверждению была подписана 6 августа 1943 г., т.е. уже в ходе его реализации.

⁶ Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941-1945 /под ред. С.К. Куркоткина. М.: Воениздат, 1977. С. 101, 500, 501.

⁷ Колтунов Г.А., Соловьёв Б.Г. Курская битва. М.: Воениздат, 1970. С. 16.

г., и более взвешено оценивать и потенциал страны, и возможности Германии. Хотя Кремль и понимал, что в ходе войны уже произошли глубинные изменения, тем не менее эйфория, наблюдавшаяся у советского командования после полного уничтожения группировки Паулюса, стала не так резко отражаться на крупных решениях Ставки. Политическое руководство СССР нацеливало страну и вооруженные силы прежде всего на тяжелую борьбу с сильным и ещё далеко не разгромленным противником. Это наглядно продемонстрировал приказ И.В. Сталина № 95 от 23 февраля 1943 г.: *«Враг потерпел поражение, но ещё не побеждён. Немецко-фашистская армия переживает кризис ввиду полученных от Красной Армии ударов, но это ещё не значит, что она не может оправиться. Борьба с немецкими захватчиками ещё не кончена – она только разворачивается и разгорается. Глупо было бы полагать, > что немцы покинут без боя хотя бы километр нашей земли. Красной Армии предстоит суровая борьба против коварного, жестокого и пока ещё сильного врага»*⁸. И буквально через несколько дней после оглашения этого документа обострившаяся обстановка на южном и юго-западном направлениях советско-германского фронта только подтвердит точность оценок противника, данных в нём.

Первые крупные шаги по подготовке к достижению поставленной цели 1943 г. – освобождение страны – Ставка предпринимает уже 29 января: отдаётся распоряжение о начале концентрации военных ресурсов и формировании войсковых резервов, причём и фронтовых, и стратегических, т.е. начинает создаваться «инструментарий» для решения намеченных масштабных задач. Командованию Юго-Западного, Южного и Северо-Кавказского фронтов была направлена директива о формировании ими постоянных резервов⁹, а командованию Донского фронта – о выводе в резерв Ставки управления 57А, армейских частей и учреждений¹⁰.

В этом важном и в то же время сложном вопросе Москва планировала опереться в том числе и на помощь своих союзников. Из США и Англии в это время поступало не только продовольствие, дефицитные сырьё и материалы, но и вооружение, транспорт, бронетехника и самолёты. Г.К. Жуков в частной беседе откровенно признавал: *«Нельзя отрицать, что американцы нам гнали столько материалов, без которых мы бы не могли формировать свои резервы и не могли бы продолжать войну... У нас не было взрывчатки, пороха. Не было чем снаряжать винтовочные патроны. Американцы по-настоящему выручили нас с порохом, взрывчаткой. А сколько они нам гнали листовой стали! Разве мы могли бы быстро наладить производство танков, если бы не американская помощь сталью?»*¹¹. Однако уже в начале весны 1943 г. этот канал поставок будет существенно сокращён и полностью восстановится лишь в августе, т.е. после завершения Курской битвы. Эта ситуация ещё раз подтвердит сформировавшееся у И.В. Сталина стойкое убеждение в том, что союзники в любой момент могут подвести, поэтому в жестокой борьбе с нацистами следует рассчитывать главным образом лишь на собственные силы, несмотря на то что народ уже принёс на алтарь Победы колоссальные и трудно восполнимые жертвы.

Следующий шаг по созданию фундамента будущих побед был сделан 1 марта. Заместитель командующего БТ и МВ Красной Армии генерал-лейтенант Н.И. Бирюков получает распоряжение от И.В. Сталина: усилить общевойсковые армии, намеченные к выводу в резерв Ставки. Для этого в их штат следовало включить по два отдельных танковых полка НПП, как правило, смешанного состава (39Т-70 и Т-34). В то время это были немалые силы, они поступали в резерв командармов и существенно расширяли их возможности прежде всего при наступлении. А через 10 суток последовал новый приказ: вывести с фронта в район Остро-

⁸ Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М.: Государственное издательство политической литературы, 1947. С. 91.

⁹ Великая Отечественная война: Ставка ВГК. Документы и материалы 1943 г. Т. 16(5-3). М.: Терра, 1999. С. 42, 43.

¹⁰ Там же. С. 43.

¹¹ Зинькович Н. Маршалы и генсеки. М., 1997. С. 161,162.

гожск, Старый и Новый Оскол, Алексеевка, Касторное и немедленно восстановить семь танковых и мехкорпусов¹². Логическим завершением первого этапа этого процесса стало подписание Верховным Главнокомандующим 11 марта директивы о формировании с 13 марта Резервного фронта в составе трех общевойсковых армий (2-й резервной, 24 и 66А) и трёх танковых корпусов (4 гв., 3 и 10 тк). Первоначально его управление должно было разворачиваться на базе штаба Брянского фронта, который упразднялся, а войска передавались на усиление вновь созданного в районе Курска Центрального фронта. Однако из-за обострения обстановки под Харьковом реализацию этого решения временно пришлось приостановить, а затем корректировать. Хотя запущенный механизм вывода с фронтов крупных соединений и объединений, включённых в резерв Ставки, и их восстановления в тыловых районах полностью не прерывался.

Уже 30 марта, когда стало ясно, что контрудар Манштейна блокирован, Москва вновь возвращается к вопросу восстановления важнейшего инструмента будущих масштабных операций – подвижных соединений. В это время Ставка потребовала, чтобы с 5 по 20 апреля были приведены в боевую готовность ещё 5 танковых и мехкорпусов (1 гв. мк, 2, 23, 2 гв., 5 гв. тк)¹³. А к организационной работе по созданию Резервного фронта удалось вернуться ещё раньше. Судя по принимавшимся решениям, И.В. Сталин придавал этому вопросу очень большое значение. Для его создания он привлек наиболее опытные, показавшие свою эффективность кадры, в том числе и из гражданской сферы. *«27 марта 1943 г. во втором часу ночи я приехал к Сталину по его вызову на близкую дачу в Вольском, – вспоминал член Политбюро ЦК ВКП (б) А.И. Микоян. – Он рассказал, что, по данным нашей разведки, гитлеровцы концентрируют крупные силы для наступления в районе Курского выступа. «По-видимому, – сказал Сталин, – они попытаются овладеть стратегической инициативой, имея дальний прицел на Москву. Чтобы этого не допустить, нам надо срочно организовать крепкий Резервный фронт, который мы могли бы ввести в бой в наиболее острый и решающий момент сражения и при дальнейшем переходе в контрнаступление».*

Вопрос этот, судя по всему, уже был хорошо им обдуман и обсужден в Ставке, потому что он тут же высказал конкретные соображения не только о назначении и характере этого фронта, но и о районе, где он должен был формироваться, а также и о порядке комплектования его личного состава. Резервный фронт, по его мнению, следовало формировать прежде всего за счет тех воинских частей, которые после боёв отводились в тыл для доукомплектования личным составом и военной техникой.

«Дело это очень важное и необходимое для дальнейших перспектив войны, – продолжал Сталин. – Надо, чтобы ты как член ГКО взял на себя организацию этого Резервного фронта, благо в твоих руках сосредоточены наши материальные ресурсы. Подбором командного состава фронта, как обычно, будет заниматься Генштаб, а все остальное – за тобой».

Такое поручение было для меня не только неожиданным, но и необычным, поскольку делами войсковых формирований я до тех пор не занимался, ведая с начала войны снабжением Красной Армии в целом: вещевым имуществом, довольствием, горючим и артиллерийскими снарядами»¹⁴.

Важно понимать, как Верховный Главнокомандующий определял задачи нового фронта в конце марта 1943 г. Несмотря на то что главная цель (освобождения страны) войскам уже была сформулирована, а стратегические резервы готовились в основном именно для её достижения, однако, как видно из приведенной цитаты, в этот момент он рассматривал их в первую очередь как мощный рычаг влияния на текущую ситуацию на фронтах. Этой же позиции он будет

¹² Бирюков Н.И. Танки – фронту. Смоленск.: Русич, 2005. С. 314, 318.

¹³ Бирюков Н.И. Танки – фронту. Смоленск.: Русич, 2005. С. 321, 322.

¹⁴ Микоян А.И. Так было. М.: Вагриус, 1999. С. 320.

придерживаться и в течение апреля – мая, при планировании летней кампании. Хотя бывший начальник оперативного управления Генштаба генерал С.М. Штеменко¹⁵ вспоминал, что Генштаб в этот период вообще не предполагал вводить их в бой до того момента, как Красная Армия перейдет в общее контрнаступление. И.В. Сталин с таким подходом был не согласен. В начале апреля, при разработке директивы о Резервном фронте, он потребовал, чтобы основная часть этих сил была развернута за войсками, удерживающими наиболее опасные направления (район Курска в этот момент уже вышел на первый план), а их командиры получили задачу отработать варианты оказания помощи впереди стоящим соединениям Центрального и Воронежского фронтов¹⁶. Это ясно свидетельствовало и о его определенной неуверенности в собственных силах, и о желании не допустить повторения трагических ошибок первой половины 1942 г. «Синдром неудач прошлого года» хотя и «штрихпунктирной» линией, но тем не менее будет прослеживаться во всех важных решениях Ставки, принимавшихся в период подготовки к Курской битве, и лишь после неё, по крайней мере внешне, И.В. Сталин сумеет избавиться от него.

А теперь обратимся ко второму этапу подготовки летней кампании – непосредственно к процессу планирования боевых действий, который, напомним, продолжался примерно месяц, с 13 апреля по середину мая. *«В конце марта и в апреле в Ставке и Генеральном штабе состоялся обмен мнениями относительно того, где и как решать главные задачи войны летом 1943 года, – вспоминал С.М. Штеменко. – На сей счёт было запрошено мнение авторитетных военачальников, представлявших Ставку в действующей армии, а также некоторых командующих фронтами. Вопрос «где» не являлся тогда слишком трудным. Ответ на него мог быть один – на Курской дуге. Ведь именно в этом районе находились главные ударные силы противника, таившие две опасные для нас возможности: глубокий обход Москвы или поворот на юг. С другой стороны, и сами мы именно здесь, то есть против основной группировки врага, могли применить с наибольшим эффектом наши силы и средства, в первую очередь крупные танковые объединения. Все прочие направления даже при условии успешных наших действий не сулили советским вооруженным силам такие перспективы, как Курская дуга. К такому выводу в конечном счёте пришли и Ставка, и Генеральный штаб, и командующие фронтами.*

*Второй вопрос – как решать главные задачи войны – был более сложным. Ответы на него последовали не сразу и далеко не одинаковые»*¹⁷.

Формально автором идеи сорвать наступление немцев на Курск путём перехода к обороне следует считать Г.К. Жукова. Именно он первым в документе стратегического характера (в упомянутом выше донесении И.В. Сталину), направленном в Ставку, на основе анализа оперативной обстановки и поведения неприятеля, высказал предложение, о том, что в ближайшее время немцы попытаются срезать Курский выступ, а Красной Армии наиболее разумно будет обескровить их ударные соединения на хорошо подготовленных оборонительных рубежах. Формально – потому, что к этому же выводу уже пришел ещё ряд ключевых

¹⁵ Штеменко Сергей Матвеевич, генерал армии (1968), родился 20.02.1907 г. в крестьянской семье в казачьей станице Урюпинская Донской обл. В РККА с 1926 г. Окончил Севастопольскую школу зенитной артиллерии (1930), ВА ММ РККА (1937), ВА Генштаба (1940). С 08.1941 г. – зам. начальника направления Оперуправления Генштаба. В 06.1942 г. назначен начальником направления Оперуправления. С 04.1943 г. – первый заместитель, а с 05.1943 г. – начальник Оперуправления Генштаба. С 11. 1948 г. по 06.1952 г. – начальник Генштаба, зам. министра ВС СССР. В 06.1953 г. после ареста Л.П. Берии снижен в воинском звании с генерала армии до генерал-лейтенанта и назначен начальником Штаба Западно-Сибирского ВО. С 08.1956 г. – начальник ГРУ, присвоено звание генерал-полковника. В 10. 1957 г. предупредил находившегося в командировке в Югославии министра обороны Г.К. Жукова о готовящемся его смещении, за что был понижен с генерал-полковника до генерал-лейтенанта и назначен первым зам. командующего При ВО. С 02.1968 г. вторично присваивается звание «генерал армии», а с 08.1968 г. – первый зам. начальника Генштаба – начальник Штаба Объединённых вооружённых сил государств – участников Варшавского договора. Скончался 23.04. 1976 г. в Москве.

¹⁶ Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. М.: Воениздат, 1968. С. 156.

¹⁷ Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. М.: Воениздат, 1968. С. 150.

фигур в руководстве РККА, среди них в первую очередь надо упомянуть А.М. Василевского¹⁸. С момента начала выработки плана летней кампании и на протяжении всей оперативной паузы оба маршала всегда придерживались единой точки зрения на то, как её следует проводить. Они считали, что на первом этапе необходимо отдать инициативу в руки противника. И лишь потом, измотав силы его главных ударных группировок, перейти в контрнаступление стратегическими резервами, сформированными весной. Эта точка зрения довольно быстро (если сравнивать с процессом подготовки «Цитадели») возобладала в Ставке и стала рабочим планом всего военно-политического руководства страны, так как она оказалась созвучной внутреннему настрою И.В. Сталина (проявить осторожность в активных наступательных действиях), которое чётко проявилось уже в марте, при решении вопроса о резервах.

С 18 марта по 11 апреля по специальному заданию Верховного для контроля за исполнением распоряжений Ставки по стабилизации обстановки и одновременно с целью подготовки предварительных соображений по проведению летней кампании, на Воронежский и Центральный фронты выезжал сначала А.М. Василевский, а затем и Г.К. Жуков. В течение этого времени оба маршала вместе с Н.Ф. Ватутиным и К.К. Рокоссовским обследовали рубеж армий первого эшелона фронтов и детально обсудили с их командованием поведение противника, его возможный замысел и весь комплекс проблем, связанных с летней кампанией. И тем не менее первым о переходе к преднамеренной обороне Ставке предложил именно Г.К. Жуков, т.к. упомянутый выше документ (доклад И.В. Сталину) он подготовил первый самостоятельно, от своего имени, а Генеральный штаб после изучения его предложение поддержал. Интересные воспоминания об этой работе мы находим в дневнике порученца маршала генерал-майора Л.Ф. Минюка:

«17 марта 1943 г. в 11 часов выехали поездом в Курск.

18 марта во второй половине дня прибыли в Курск и встретились с А. И. Антоновым, который доложил обстановку; создавшуюся на Курском выступе, и сразу направились в деревню Стрелецкую, где находился штаб Воронежского фронта.

19 марта утром выехали в район Белгорода в войска 21А генерала И.М. Чистякова, в 52 гв.сд соприкосновение с танковой дивизией противника «Мёртвая голова».

20 марта. Снова в 52-й дивизии, осмотр занимаемых позиций. Даны рекомендации; где расположить боевое охранение, где создавать передний край обороны.

20-21 марта. Жили в деревне Стрелецкой, выезжали к Чистякову в Кочетовку и в армию Москаленко (40А. – 3.В.). Были в основном не в штабе, а в поле, где создавалась оборона. Решались вопросы о тесном огневом взаимодействии на стыке и подготовке контрударов и контратак в случае попытки прорыва противника на Обоянь.

21 марта. Прибыл генерал Ватутин и сменил командующего Воронежским фронтом Голикова. Жуков работал с Ватутиным, обсуждал обстановку и необходимые срочные меры.

22 марта. Были снова в 52-й дивизии вместе с Ватутиным. Проведено совещание с командным составом.

¹⁸ Василевский Александр Михайлович (1895-1977), Маршал Советского Союза (1943), дважды Герой Советского Союза (1944, 1945). Великую Отечественную войну встретил в должности зам. начальника (1941), а с 06. 1942 г. – начальник Генштаба РККА. Один из авторов плана летней кампании 1943 г., ядром которой явились события под Курском. Вместе с Маршалом Советского Союза Г.К. Жуковым и генерал-полковником А.И. Антоновым участвовал в совещании в Кремле 12.04.1943 г., где было принято решение о переходе Красной Армии к стратегической обороне под Курском. В течение 03.-06. 1943 г. провел большую работу по организации обороны войск Центрального и Воронежского фронтов к отражению удара противника в районе Курской дуги. С 6 по 14.07.1943 г. являясь представителем Ставки ВГК на Воронежском фронте, по распоряжению И.В. Сталина лично отвечал за ввод в сражение под Прохоровкой 12.07.1943 г. стратегических резервов: 5 гв.ТА и 5 гв. А. С 14.07. 1943 г. – представитель Ставки на Юго-Западном фронте. В 1945 г. – командующий 3-м Белорусским фронтом. В 08-09.1945 г. – Главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке во время разгрома японской Квантунской армии. За большой вклад в победу над Германией удостоен двух высших полководческих орденов «Победа» (№ 2, 7). С 1946 г. – начальник Генштаба. В 1949-1953 гг. – министр Вооруженных сил СССР, в 1953-1957 гг. заместитель министра обороны СССР. С 1968 г. в отставке.

23 марта. Были в 40-й армии Москаленко – вопросы те же.

24 марта. Выехали на Центральный фронт к Рокоссовскому в населенный пункт Свобода.

С 25 марта по 8 апреля находились не только в штабе фронта, но в основном вместе с Рокоссовским работали в 13А Пухова, выезжали на передний край, после чего проведено совещание с командным составом армии, затем переехали в 70А к генерал-лейтенанту И. В. Галанину; побывали также в 65А П.И. Батова, а потом направились на север, в 48А П.Л. Романенко. После этого возвратились в Курск, и Жуков, нарисовав на карте наиболее вероятные направления ударов противника, изложил мне своё мнение о наиболее вероятном плане действий фашистского командования, приказал составить доклад Сталину. Помню, когда я прочёл его Жукову, он спросил:

– Ты кому это написал? Ты что думаешь, Сталину – начальник Генерального штаба?

Он рассказал мне, как Поскребышев читает Сталину донесения и о стиле работы Верховного. Говорил о его манере разговаривать о прекрасной памяти и о том, что в донесениях следует указывать лишь фамилии командиров, так как Сталин хорошо помнит, какими они командуют армиями, и ещё о многом, чего я не знал»¹⁹.

Однако следует подчеркнуть, что сначала Верховный воспринял предложение своего заместителя с настороженностью. Слишком важные решения должны были последовать за ним. Поэтому распорядился всестороннее проанализировать его с привлечением более широкого круга генералов, которые имели к этой проблеме непосредственное отношение. При этом свою точку зрения он пока не высказал. «Я как раз находился у И.В. Сталина, когда он получил этот доклад, – вспоминал А.М. Василевский. – Верховному было известно, что Генеральный штаб придерживается точки зрения Жукова. Прочитав доклад Жукова, Сталин сказал:

– Надо посоветоваться с командующими войсками фронтов, – и распорядился запросить мнение фронтов. Генштабу он поручил подготовить специальное совещание для обсуждения плана летней кампании 1943 г. Н.Ф. Ватутину и К. К. Рокоссовскому он позвонил сам, просив их к 12 апреля представить соображения по оценке фронтов обстановки и по плану предстоящих действий фронтов»²⁰.

Прибыв в Генштаб, А.М. Василевский принял ещё ряд мер по информационному обеспечению предстоящего совещания. Он поручил Главному разведуправлению и Управлению фронтов разведки проанализировать данные о намерениях противника, его конкретных шагах в этом направлении и представить свои выводы к 12 апреля. После этого он вылетел в село Бобрышово, куда в апреле переехал штаб Воронежского фронта, где находился и Г.К. Жуков, и вместе с ним в последующие двое суток разрабатывал основные принципы плана летней кампании, а также готовил директиву Ставки о районах сосредоточения основных стратегических резервов, проект которой уже 10 апреля был направлен И.В. Сталину. С.М. Штеменко вспоминал: «В целом ход грядущих событий рисовался нам следующим образом. При наступлении противник основную ставку сделает на танки и авиацию. Пехоте отводится второстепенная роль, так как она слабее, чем в прошлые годы. Расположение его ударных группировок позволяло предвидеть действия по сходящимся направлениям: орловско-кромской группировки – на Курск с севера и белгородско-харьковской – на Курск с юга. Вспомогательный удар, разрезающий наш фронт, считался возможным с запада из района Ворожба между реками Сейм и Псёл на Курск... Таким образом, немецко-фашистское командование могло рассчитывать на окружение и разгром в короткий срок всех наших армий; занимавших оборону по Курской дуге. Предполагалось, что противник планировал на первом этапе наступления достигнуть рубежа Короча, Тим, Дросково, а на втором этапе – нанести удар во фланг и тыл Юго-Запад-

¹⁹ Маршал Жуков: полководец и человек /сост.: А.Д. Миркина и В.С. Яровикова/ Т. 1. М.: АПН, 1988. С. 262.

²⁰ Василевский А.М. Дело всей жизни. Кн. 2. М.: Политиздат, 1988. С. 17.

ного фронта через Валуйки, Уразово. Допускалось, что навстречу этому удару будет проводиться наступление из района Лисичанска на север в направлении Сватово, Уразово. Не исключались также попытки немцев овладеть рубежом Ливны, Касторное, Старый и Новый Оскол с захватом важной для нас железной дороги на Донбасс»²¹.

Столь широкий диапазон возможных вариантов был связан в том числе и с существенной проблемой в работе разведслужб. В то же время обстановка требовала от командования рассматривать все без исключения варианты возможных действий врага и искать наиболее эффективные методы срыва его намерений. Именно с этим обстоятельством связан «просчёт» Н.Ф. Ватутина²², а в действительности перестраховка, на которую после войны будут указывать некоторые исследователи. В полосе Воронежского фронта было значительное число танкоопасных направлений, поэтому он не исключал не только мощных ударов немцев на наиболее вероятных направлениях от Белгорода на Обоянь и Старый Оскол (которые были очевидны), но и на Суджу (левое крыло фронт), где наступление командованием ГА «Юг» не предполагалось и даже не рассматривалось.

В отечественной историографии первый период подготовки к Курской битве изучен крайне слабо, в силу того, что практически полностью отсутствуют документальные источники о текущей работе Ставки в этот период, за исключением её директив, опубликованных в 1999 г. Существовал и ряд иных проблемы. Ещё в 1970-е годы А.М. Василевский писал: *«До недавнего времени вопрос о планировании и подготовке Курской битвы в военно-исторической литературе, как научной, так особенно мемуарной, освещался не совсем точно, вольно или невольно принижалась большая творческая и организационная деятельность Ставки и ее рабочего органа – Генерального штаба, преувеличивалась роль фронтовых инстанций, и прежде всего Военного Совета Воронежского фронта. ...К тому же ряд важных деталей вообще не нашел отражения ни в каких документах, так как обсуждались они в самой высокой инстанции в узком кругу лиц, руководивших подготовкой Курской битвы. Это относится,; помимо И. В.*

²¹ Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. М.: Воениздат, 1968. С. 158.

²² Николай Фёдорович Вату́тин, генерал армии (1943). Родился 16.12.1901 г. в с. Чепухино Валуйского р-на Курской (ныне Белгородской) области в многодетной семье крестьянина-середняка (9 детей). Для своего социального положения получил хорошее образование. В 1913 г. окончил 5 кл. сельской школы, затем 2 кл. земского училища в г.Валуйках и 3 кл. коммерческого училища в г.Уразово. До 1917 г. жил в семье отца и занимался сельским хозяйством. В РККА призван по мобилизации в 04. 1920 г. В 1920— 1921 гг. в качестве красноармейца участвовал в боях против банд Махно и атамана Бельского на территории Луганской, Полтавской и Харьковской областей. Окончил Полтавскую пехотную школу (1922), Киевскую высшую объединенную военную школу (1924) и ВА им.Фрунзе (1929). Командовал отделением, взводом и ротой. С июня 1929 г. – на штабной работе, служил помощником начальника оперативного отделения 7 сд (г. Чернигов), помощником начальника оперотдела штаба Северо-Кавказского ВО (г. Ростов), начштаба 28-й горной стрелковой дивизии (г.Орджоникидзе), начальником оперотдела штаба СибВО (г. Новосибирск). После окончания ВА Генштаба в 07. 1937 г. назначен зам. начштаба Киевского Особого военного округа, а с ноября 1938 г. – начштаба КОВО (г. Киев). 26.07.1940-13.02.1941 г. – зам. начальника Генштаба и одновременно начальник оперативного управления. С 13.02.1941 г. по 30.6.1941 г. – первый заместитель начальника Генштаба по опервопросам и устройству тыла. 30.6.1941 г. – начштаба Северо-Западного фронта. В середине июля 1942 г., по личной просьбе и при поддержке А.М. Василевского, был назначен командующим Воронежским фронтом, затем переведён на Юго-Западный. Этот фронт под его руководством успешно действовал в Сталинградской битве, за что 7.12.1942 г. получил воинское звание генерал-полковник, а 12.02.1943 г. – генерал армии и награждён орденом Суворова 1-й ст. 28.03.1943 г. вновь вступает в командование Воронежским фронтом. Н.Ф. Вату́тин был одним из наиболее подготовленных и перспективных генералов из когорты командующих фронтами. Характерной особенностью его стиля руководства были глубокая проработка операции, активность и умение организовать мощные танковые удары в глубь обороны противника, целеустремлённость. Генерал обладал спокойным, уравновешенным характером. Как вспоминали Н.С. Хрущёв и К.С. Москаленко, он отличался уважительным отношением к подчиненным, в работе стремился дать возможность раскрыться им, проявить инициативу. Однако со И.В. Сталиным у него были сложные отношения. Верховный не раз справедливо указывал на ошибки в управлении фронтом, высказывал недовольство его методами руководства. В частности, есть данные, что он очень жёстко критиковал его действия в ходе отражения удара вермахта на Курск в июле 1943 г., операции «Полководец Румянцев», а также в Корсунь-Шевченковской операции. Хотя за Курскую битву он, как и другие командующие фронтами, был награжден орденом Кутузова 1-й ст. Однако, несмотря на то что с середины 1942 г. Н.Ф. Вату́тин руководил рядом фронтов на важных направлениях,участвовал в крупнейших битвах войны, вплоть до трагической гибели он не был удостоен ни высшего воинского звания Маршал Советского Союза, ни Золотой Звезды Героя Советского Союза. Умер 15.04.1944 г. в киевском госпитале от ран, полученных 29.02.1944 г. в ходе боя с украинскими националистами в полосе 60А.

*Сталина, к Г.К. Жукову, А. И. Антонову, к автору этих строк и некоторым другим товарищам, работавшим в годы войны в ГКОИ Ставке и Генштабе»*²³.

Действительно, И.В. Сталин, опасаясь разглашения стратегической информации, запрещал вести стенограммы встреч и совещаний, проходивших в Кремле. А от их участников требовал, чтобы принимаемые решения и поставленные задачи они запоминали и, возвращаясь к себе в кабинеты, заносили их в секретные тетради, которые через определенное время уничтожались. Таким образом, детали процесса выработки важнейших стратегических решений и замыслов военно-политического руководства СССР, а также мнения и предложения его ключевых фигур во многом безвозвратно утеряны. В последние десятилетия в научный оборот начали вводиться источники, которые, на первый взгляд, могли бы пролить свет на эту проблему. Однако при их внимательном изучении даже по отдельным вопросам ситуация становится ещё более запутанной.

В качестве примера можно привести журнал посещения кабинета И.В. Сталина партийными и государственными деятелями в годы войны (далее – Журнал). Этот документ вёлся не систематически и даже, можно сказать, небрежно, в нём не всегда соблюдалась чёткая хронология, посещение Верховного Главнокомандующего рядом полководцев не зафиксировано, хотя в других источниках они отмечены, а их фамилии перепутаны. К сожалению, ряд исследователей используют данные из Журнала без критического анализа и учёта особенностей существовавший в то время системы государственного управления в СССР. Так, например, в нём отмечено, что поздно вечером 11 апреля в кремлёвском кабинете И.В. Сталина собрались В.М. Молотов, Г.К. Жуков, зам. начальника Генштаба генерал-полковник А.И. Антонов²⁴, К.К. Рокоссовский и начальник инженерных войск РККА генерал-лейтенант М.П. Воробьев. Детали этой встречи неизвестны, но, судя по составу приглашённых, обсуждался план летней кампании. А если учесть, что в Журнале ничего не говорится о присутствии в Кремле поздно вечером 12 апреля Г.К. Жукова, А.М. Василевского и А.И. Антонов, когда было принято предварительное решение о переходе к стратегической обороне, то в нём явно выявляется сразу несколько ошибок. В документе или состав собравшихся 11 апреля перепутан, так как ни Г.К. Жуков, ни К.К. Рокоссовский о нём никогда не упоминали, или допущена ошибка с датой – совещание прошло не 11-го, а 12-го, и при этом вместо А.М. Василевского вписан К.К. Рокоссовский. Хотя последний никогда не упоминал о своём участии в принятии столь крупного исторического решения. В то же время Г.К. Жуков в книге мемуаров достаточно подробно описывает всё, что было связано с этим совещанием. Но при этом здесь же упоминает, что поздно вечером 11 апреля, прибыв с фронта, он встретился с А.М. Василевским, который передал распоряжение И.В. Сталина подготовить им обоим карту обстановки, документацию по ситуации в районе Курского выступа и явиться вместе к нему в Кремль вечером 12 апреля. Это подтверждает и А.М. Василевский. Таким образом, очевидно, что данные, приведенные в Журнале о тех, кто был у И.В. Сталина в эти двое суток, неточны, причём понять это под силу каждому, следует лишь сравнить Журнал с мемуарами двух маршалов.

²³ Василевский А.М. Дело всей жизни. Т.2. М.: Политздат, 1988. С. 18.

²⁴ Антонов Алексей Иинюкентьевич, генерал армии (7.08.1943), родился 15(26).09.1896 г. в г. Гродно (Белоруссия) в семье русского офицера и дочери сосланного в Сибирь поляка. В 1916 г. окончил Павловское пехотное училище, в звании прапорщика участвовал в Первой мировой войне. В РККА с 1919 г. – участник Гражданской войны. В 1931 и 1933 гг. окончил два факультета ВА им. Фрунзе (каждый раз по полному курсу) и один курс ВА Генштаба. С03. 1941 г. – зам. начштаба, а с 24.06.1941 г. – начштаба КОВО. С 27.08.1941 г. – начштаба Южного фронта. 28.07. 1942 г. назначен начштаба Северо-Кавказского фронта, по словам зам. командующего этим фронтом Р.Я. Малиновского: «Он, несомненно, обладал незаурядными организаторскими способностями, гениальным постижением замыслов противника и умением хитроумно разрушить эти замыслы». С 11.1942 г. – начштаба Закавказского фронта, а с 11.12.1942 г. – начальник Оперуправления – заместитель начальника Генштаба. С 05.1943 г. – первый зам. начальника Генштаба. С 4.02.1943 г. – начальник Генштаба. 4.06.1945 г. награжден орденом «Победа», единственный генерал армии из всех 14 удостоенных этой награды маршалов и генералиссимусов. С03. 1946 г. – первый зам. начальника Генштаба. В 1955 г. назначен начальником Объединенного штаба государств – членов Варшавского договора. Скончался 18.06.1962 г. в Москве.

Тем не менее, например, Б.В. Соколов игнорирует отмеченные выше нестыковки в документе. Опираясь на эту зыбкую основу, он истолковывает отсутствие Н.Ф. Ватутина на совещании 11 апреля (которого, возможно, и не было) как проявление И.В. Сталиным большего доверия к мнению К.К. Рокоссовского, чем командующего Воронежским фронтом²⁵. Действительно, ряд очевидцев подмечали подчёркнутое внимание Верховного к Константину Константиновичу, особенно после Сталинграда²⁶.

Эту версию подтверждает и случай с повторным захватом немцами Житомира в декабре 1943 г., когда к Ватутину он направил Рокоссовского с не совсем внятными полномочиями – или с проверкой как инспектора и сменщика, или на помощь как товарища и соседа²⁷.

Однако, во-первых, прежде чем высказывать подобные предположения, надо детально разобраться в хронологии событий, иначе они будут выглядеть неубедительно, во-вторых, не следует придавать чрезмерного значения влиянию на стратегические вопросы эмоций И.В. Сталина вообще и в данном случае в частности. Рискну предположить, если действительно К.К. Рокоссовский и был 11 апреля в Кремле, то наверняка по другому, сугубо «своему» вопросу. В этот момент И.В. Сталин был крайне озабочен московским направлением. Подтверждение этому мы находим в воспоминаниях участников тех событий, в том числе и Г.К. Жукова²⁸. Поэтому, возможно, он хотел чётко уяснить, как и насколько надёжно будет увязана оборона столицы и вопросы будущей операции под Курском. А Центральному фронту при решении обеих проблем предстояло играть одну из ключевых ролей. В подготовке и принятии предварительных решений стратегического характера, таких, как переход к преднамеренной обороне, по своему статусу никто из командующих фронтами участвовать не мог. Это прерогатива членов Ставки ВГК и ГКО, каковыми ни Н.Ф. Ватутин, ни К.К. Рокоссовский²⁹ никогда не являлись, а Г.К. Жуков и А.М. Василевский ими были. Если же придерживаться логики Б.В. Соколова, то из того же Журнала видно, что в течение трёх месяцев перед Курской битвой оба командующих фронтами одинаковое время, по два раза, посещали Верховного в Кремле. Причём на эти встречи каждый из них вызвался хотя и по очень важному вопросу, но лишь по тому, который находился строго в его компетенции – с отчётами о состоянии войск своих фронтов и предложениями по их использованию. Н.Ф. Ватутин – 25 апреля и 28 июня, К.К. Рокоссовский – 11(?), 28 апреля.

Если же касаться вопроса «Было ли для И.В. Сталина мнение К.К. Рокоссовского более авторитетным, чем Н.Ф. Ватутина?», то он мало что даёт для понимания и истории всей войны, и конкретных событий весны 1943 г. Верховный Главнокомандующий принимал стратегические решения на основе комплексного анализа всей поступавшей информации с учё-

²⁵ Соколов Б.В. *Рокоссовский*. М.: Молодая гвардия, 2010. С. 255, 256.

²⁶ Чуев Ф. *Солдаты империи*. М.: КОВЧЕГ, 1998. С. 340.

²⁷ *Рокоссовский К. К.* Солдатский долг. М., 1997. С. 304,305.

²⁸ Жуков Г.К. *Воспоминания и размышления*. Т.3. М.: Новости, 1990. С. 22.

²⁹ *Рокоссовский Константин Константинович* (1896-1968), Маршал Советского Союза (1944), Маршал Польши (1949). Участник Гражданской войны. Будучи командиром 5-го кавкорпуса, в августе 1937 г. был репрессирован, в 03.1940 г. – реабилитирован. Великую Отечественную войну встретил в должности командира 9 мк, затем короткое время возглавлял 4А на Западном фронте, в Битве за Москву командовал 16А. В 07-09.1942 г. – командующий Брянским, а с 09.1942 г. по 02.1943 г. – Донским фронтом, который проводил ликвидацию окруженной группировки Паулюса под Сталинградом. 4.02. 1943 г. Донской фронт был преобразован в Центральный и развернут западнее и севернее Курска. В конце 03. 1943 г., после неудавшегося наступления на Брянск, войска Рокоссовского заняли оборону на северном фланге Курской дуги. В период весенней оперативной паузы лично провел большую организационную работу по планированию и подготовке к Курской битве. С 5 по 12.07. 1943 г. Центральный фронт под его командованием, успешно отразив наступление группировки 9А по плану «Цитадель», перешел 15.07. 1943 г. в контрнаступление с целью ликвидации орловского выступа. За мастерство, проявленное в ходе Курской оборонительной операции, удостоен полководческого ордена Кутузова 1-й степени. Осенью 1944 г. переведён на должность командующего 2-м Белорусским фронтом. 24.06.1945 г. – командовал Парадом Победы на Красной площади в Москве. За большой вклад в разгром германских захватчиков награжден высшим полководческим орденом «Победа» (№5). С 1949 по 1956 г. – министр обороны Польши. В 1956— 1962 гг. – заместитель министра обороны СССР. О своем участии в Курской битве рассказал в книге воспоминаний «Солдатский долг».

том военной-политических реалий, а не субъективных оценок отдельных, даже выдающихся и ему симпатичных полководцев. *«Вообще, И. В. Сталин никогда не обсуждал с командующими фронтами замысел целой кампании, – писал Г.К. Жуков. – Он ограничивался обсуждением лишь одной конкретной операции фронта или группы фронтов».*³⁰ Свидетельство тому и перевод К.К. Рокоссовского с 1-го Белорусского фронта осенью 1944 г., и решение о переходе к стратегической обороне под Курском. Ведь сначала, в первых числах апреля, руководство Центрального фронта предлагало активно действовать, а Ставка всё-таки решила обороняться. Это потом, в мае и июне, когда Воронежский фронт получил большие силы, Н.Ф. Ватутин тоже предложит не ожидать удара противника, а самим перейти в наступление. Но первым эту мысль всё-таки высказал именно его сосед – штаб фронта Рокоссовского, хотя в отечественной исторической литературе на этом моменте внимание практически не акцентируется, т.к. он не совсем вяжется с утверждением, устоявшимся в нашем обществе, о том, что под Курском Рокоссовский воевал лучше Ватутина. В докладной записке Центрального фронта, направленной в Генштаб 10 апреля, предлагалось: *«В условиях существующей обстановки следует считать целесообразными следующие мероприятия. Уничтожить Орловскую группировку противника совместными усилиями войск Западного, Брянского и Центрального фронтов, тем самым лишив его возможности нанести удар из района Орла через Ливны по Касторному; занять железную дорогу Мценск – Орёл – Курск, которая для нас жизненно важна; и лишить противника возможности использовать Брянскую сеть железнодорожных и грунтовых дорог»*³¹ (см. Приложение № 1).

Таким образом, по сути, командование фронта предлагало реализовать в усеченном виде неудавшуюся февральско-мартовскую операцию 1943 г. на брянском направлении. Этот документ был подписан не лично К.К. Рокоссовским, а начальником штаба генерал-лейтенантом М.С. Малининым³². Но с позиции своего начальника штаба он был, судя по всему, согласен, так как нигде, ниразу против неё ни выступил. Да и не имел права М.С. Малинин без ведома командующего фронтом направлять в Ставку подобного рода документы. Ведь Москва запрашивала не точку зрения лишь одного начальника штаба, а коллективное мнение Военного совета фронта. Поэтому, на мой взгляд, проблема большего или меньшего доверия Верховного к К.К. Рокоссовскому и Ватутину при подготовке к Курской битве надумана и выносить её на широкую аудиторию могут лишь люди далекие от глубокого понимания событий того времени, нацеленные на эпотирование неподготовленного читателя.

³⁰ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т.3. М.: Новости, 1990. С. 180.

³¹ ЦАМОРФ. Ф. 233. Оп.2307. Д. 3.Л.33.

³² Малинин Михаил Сергеевич (1899-1960), генерал армии (1953), Герой Советского Союза (1945). В Красной Армии с 1919 г. Участник Гражданской и советско-финской войн. С апреля 1940 г. – начальник штаба 7 мк (МВО). В первые дни войны корпус был переброшен на Западный фронт, где участвовал в тяжёлых боях в Белоруссии, был окружён. Полковник М.С. Малинин со штабом корпуса и значительной частью личного состава вышел из окружения в районе Смоленска, где был назначен начальником штаба Ярцевской группы войск (командующий – генерал-майор К.К. Рокоссовский) Западного фронта. С этого времени Рокоссовский и Малинин стали верными соратниками и близкими друзьями. 19.08.1941 г. – начальник штаба 16А Западного фронта, которая успешно действовала в Московской битве. После назначения К. К. Рокоссовского командующим Брянским фронтом, 16.07.1942 г. генерал-майор М. С. Малинин становится его начальником штаба. 30.09.1942 г. вместе с назначением К.К. Рокоссовского командующим Донским фронтом переходит на аналогичную должность в его штаб. После реформирования в феврале 1943 г. Донского фронта в Центральный остается его начальником штаба. В этой должности участвовал в планировании и проведении наступления на Брянск в феврале-марте 1943 г. В апреле-июле 1943 г. являлся одним из ключевых организаторов успешной обороны его войск в ходе Курской битвы на северном фланге дуги. Хотя лично считал, что под Курском Красной Армии следует переходить в наступление первой. Эту точку зрения официально излагал в документах, направленных в Ставку ВГК в апреле 1943 г. Считался хорошим организатором и жёстким руководителем, но от самостоятельной работы (командующего армией, фронтом) отказывался. За успешное проведение Курской оборонительной операции был удостоен ордена Красного Знамени. Осенью 1944 г. К. К. Рокоссовский был назначен командующим 2-м Белорусским фронтом и впервые за годы войны расстался со своим штабом. Работая под командованием Маршала Советского Союза Г.К. Жукова, принявшего фронт, М.С. Малинин отличился в Висло-Одерской и Берлинской наступательных операциях.

Работа над планом оборонительной операции в районе Курска проходила параллельно с планированием «Цитадели», причём некоторые их моменты совпадают до дня. Так же как и в руководстве Германии, у советского командования изначально не было единого взгляда на то, следует ли нанести упреждающий удар или перейти к обороне. В этой связи надо отдать должное организаторским способностям И.В. Сталина, его умению слушать и слышать специалистов. Хотя не все важные и обоснованные предложения военачальников принимались. Тем не менее благодаря этому по крайней мере весной 1943 г., он сумел выстроить более чёткую и эффективную систему работы с генералитетом и наркоматами (участвовавшими напрямую в обеспечении действующей армии), чем Гитлер, которая в большей степени базировалась на реалиях оперативной обстановки, а не на предположениях, мистике и вере в проведения. Многие из тех, кто был рядом со Сталиным, в том числе и впоследствии его ярые противники, отмечают положительные изменения, которые произошли с ним как с Верховным Главнокомандующим в период подготовки к Курской битве. *«Не касаясь здесь тех сторон деятельности Сталина, которые были в последующем справедливо осуждены нашей партией, – писал А.И. Микоян, – должен сказать, что Сталин в ходе, и особенно в начале, войны, как я понимал это тогда и как думаю об этом и теперь, в целом проводил правильную политическую линию. Он был гораздо менее капризным и не занимался самоуправством, которое стало проявляться, когда наши военные дела пошли лучше и он просто зазнался. Правда, были и в начале войны позорные эпизоды, связанные с упрямством, нежеланием считаться с реальными фактами. Например, категорическое запрещение выйти из назревавшего котла целой армии на Украине, хотя Хрущев и Баграмян настаивали на этом. Помню, он даже не подошел к телефону; когда Хрущев звонил по этому вопросу; а поручил ответить Маленкову. Мне это показалось невозможным самоуправством. В результате целая армия пропала в котле, и немец вскоре захватил Харьков, а затем и прорвался к Волге. Но никогда за историю Степного фронта такое не имело места»*³³.

Ему вторит Н.С. Хрущев: *«Он уже чувствовал себя по-другому, источал теперь уверенность. Я бы сказал, что в это время ему было приятно докладывать, не то что годом раньше. Да и сам он уже выражал более правильное понимание обстановки и более правильное отношение к поставленным фронтами вопросам»*³⁴.

Г.К. Жуков вспоминал: *«После смерти И.В. Сталина появилась версия о том, что он единолично принимал военно-стратегические решения. Это не совсем так... Если Верховному докладывали вопросы со знанием дела, он принимал их во внимание. И я знаю случаи, когда он отказывался от своего собственного мнения и ранее принятых решений. Так было, в частности, с началом многих операций»*³⁵.

О том, что советское командование при решении оперативных вопросов в этот момент не было жёстко связано политическими или военно-экономическими рамками указывал в своих мемуарах и Манштейн³⁶. Трудно понять, на чём основаны эти утверждения фельдмаршала, но, как мы увидим далее, результаты работы советского военного и политического руководства весной и летом 1943 г. окажутся на порядок продуктивнее, чем германского, а личный вклад первого лица государства – весомее. Поэтому исследователи, отвергающие или замалчивающие данный факт, сознательно искажают историческую правду. А таковые, к сожалению, сегодня встречаются, и не редко.

А теперь вернемся к событиям 12 апреля. В середине дня в Ставку доложил свои сообщения и Военный совет Воронежского фронта (см. Приложение № 2). Н.Ф. Ватутин, проведя

³³ Микоян А.И. Так было. М.: Вагриус, 1999. С. 350.

³⁴ Хрущев Н.С. Воспоминания. Избранные фрагменты. М.: Вагриус, 1997. С. 148.

³⁵ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т.3. М.: АПН, 1990. С. 58.

³⁶ Манштейн Э. Утерянные победы. Смоленск: Русич, 2003. С. 545.

всесторонний анализ оперативной обстановки и потенциальных угроз, тем не менее от конкретных предложений о формах и методах срыва предполагаемого наступления противника уклонился. Ясная точка зрения была высказана лишь об общих планах немцев на ближайшее время. *«Намерение противника состоит в нанесении концентрических ударов из района Белгорода на северо-восток и из района Орла на юго-восток с целью окружения наших войск, расположенных западнее линии Белгород – Курск, – отмечал он. – Впоследствии удар противника ожидается в юго-восточном направлении во фланг и тыл Юго-Западного фронта»*³⁷.

Итак, к началу совещания большинство ключевых фигур в руководстве Ставки, Генштаба и фронтов полностью разделяли справедливую оценку Г.К. Жукова, который писал: *«На первом этапе противник... нанесёт удар... в обход Курска с северо-востока и... с юго-востока... Противник будет стремиться... окружить наши 13, 70, 65, 38, 40 и 21 А. Конечной целью этого этапа может быть выход противника на рубеж: река Короча – г. Короча – Старый и Новый Оскол... Основную ставку он... будет делать на свои танковые дивизии и авиацию»*³⁸. Таким образом, советское командование уже на первом этапе планирования точно определило цель «Цитадели» (разгром армий, оборонявшихся в Курском выступе) и основной «инструментарий» для её достижения (танки и авиация).

Совещание в Кремле началось поздно вечером, помимо И.В. Сталина на нем присутствовали Г.К. Жуков, А.М. Василевский и его заместитель, начальник Оперативного управления генерал армии А.И. Антонов. Все трое были ключевыми фигурами в военном руководстве, и только этому узкому кругу военачальников Верховный доверил подготовить весь комплекс материалов для окончательного решения вопроса о летней кампании. Это свидетельствовало и о высочайшем доверии к этим людям, и о стремлении И.В. Сталина не допустить утечки информации по стратегической проблематике.

Г.К. Жуков пишет, что Верховный чрезвычайно внимательно выслушал соображения маршалов. После тщательного и всестороннего анализа присутствовавшие сошлись во мнении, что вывод, сделанный в докладе Г.К. Жукова от 8 апреля: *«Переход наших войск в наступление в ближайшие дни с целью упреждения противника считаю нецелесообразным»*³⁹, – верный и его следует положить в основу разработки плана действий. При дальнейшем обсуждении И.В. Сталин особую обеспокоенность проявил лишь по двум проблемам: выдержат ли советские войска массированный удар противника и удастся ли надёжно прикрыть московское направление. Ему явно не давала покоя мысль о прошлых неудачах, и он настойчиво стремился исключить любую возможность повтора трагедий 1941-1942 гг. На поставленные вопросы оба маршала ответили утвердительно. *«Шёл не 1941 год, – пишет А.М. Василевский. – Красная Армия закалилась в сражениях, приобрела огромный боевой опыт... Теперь уже фашисты боялись нас. И колебания были отброшены»*⁴⁰.

С утверждением будто бы уже в апреле 1943 г. советское военно-политическое руководство приобрело полную уверенность в том, что обе проблемы, на которые указал И.В. Сталин, Красной Армией будут успешно решены, согласиться нельзя. Сомнения и колебания наблюдались и в мае, и в июне. Причём подпитывались они и недавним трагическим опытом 1941-1942 гг., и некоторыми данными разведки, которые хотя и считались не обоснованными, но вместе с вполне понятной тревогой Москвы по поводу не ясных перспектив начала летней кампании создавали в Ставке ВГК существенное нервное напряжение.

³⁷ Гланц Д., Хауз Д. Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. М.: Астрель, 2006. С. 388.

³⁸ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т.3. М.: АПН, 1990. С. 14.

³⁹ Там же. С. 15.

⁴⁰ Василевский А.М. Дело всей жизни. Т. 2. М.: Политиздат, 1988. С. 17.

Но вернёмся к совещанию в Кремле. В результате продолжительной, детальной проработки проблемы были сформулированы три принципиальных решения, во многом предопределившие нашу победу в Курской битве.

Во-первых, наиболее удобным участком советско-германского фронта для возможного летнего наступления вермахта был определён Курский выступ. Поэтому именно здесь следовало ожидать главных событий в ближайшее время и сосредоточить все усилия как для срыва замысла противника, так и для нанесения немецким войскам больших потерь, чтобы в дальнейшем в этом же районе перейти в решительное контрнаступление.

Во-вторых, принято предварительное решение о переходе к преднамеренной обороне. И в этой связи, командованию Воронежского и Центрального фронтов поручалось:

- в кратчайший срок восстановить боеспособность войск;
- приступить к планированию общей (межфронтовой) Курской стратегической оборонительной операции;
- начать возведение мощной полевой обороны с разветвлённой, насыщенной системой противотанковых инженерных заграждений и сооружений, с учётом того, что главным средством прорыва немцы изберут, вероятнее всего, бронетехнику и авиацию;
- для снижения боеспособности соединений Люфтваффе признавалось целесообразным подготовить и нанести мощные удары силами воздушных армий фронтов по аэродромам, аэроузлам противника и базам снабжения в районе Курской дуги, а также железнодорожным коммуникациям, по которым шло их снабжение горючим и боеприпасами.

В-третьих, развернуть работу по планированию летней кампании в целом, а оборонительную операцию под Курском включить в её состав как ключевой элемент, запускающий общее стратегическое наступление Красной Армии на Украину и Белоруссию. Помимо Центрального и Воронежского фронтов к этой работе должны были подключиться штабы Западного, Брянского и Юго-Западного фронтов. В результате в ходе боевых действий в летний период предполагалось освободить восточные районы Белоруссии, всю Левобережную Украину и Таманский полуостров, тем самым создать условия для полного очищения страны от захватчиков к концу года. Кроме того, ещё до совещания 12 апреля в рамках подготовки к летней кампании Ставкой были отданы приказы оперативно провести работу по:

- увеличению пропускной способности железных дорог;
- завершению к концу апреля формирования Резервного фронта;
- реорганизации всей военной разведки с целью повышения её эффективности (результатом этого станет приказ И.В. Сталина от 19 апреля 1943 г.);
- сохранению в тайне всего комплекса подготовительных мероприятий к предстоящим операциям.

«Рассказывая... о плане Курской битвы; мне хотелось бы подчеркнуть два момента, – писал А.М. Василевский. – Во-первых, то, что этот план являлся центральной частью общего стратегического плана, принятого Ставкой на летне-осеннюю кампанию 1943 года; во-вторых, что решающую роль в разработке плана сыграли высшие органы стратегического руководства – Ставка Верховного Главнокомандования и Генеральный штаб»⁴¹.

В беседах со мной некоторые зарубежные историки в качестве некой новинки приводили, по сути, «модернизированную» точку зрения Манштейна о том, что после неудачи советских войск на Украине в марте 1943 г. вермахт временно перехватил инициативу и переходом к преднамеренной обороне Москва этот факт якобы подтвердила. Считаю данную позицию безосновательной. Принятое решение 12 апреля 1943 г. не означало потерю инициативы советской стороной. В этот момент СССР обладал потенциалом большим, чем Германия, и, что крайне важно, если сравнивать первый период войны, то, безусловно, использовать его совет-

⁴¹ Василевский А.М. Дело всей жизни. Кн.2. М.: Политиздат, 1988. С. 18.

ское командование уже научилось, а Красная Армия имела численное превосходство над вермахтом. Это была не вынужденная мера, а расчёт с дальним прицелом. Переходя к обороне, Ставка лишь стремилась сохранить силы и создать максимально благоприятные условия для скорейшего и полного освобождения оккупированной территории страны.

Вместе с тем на совещании было признано, что, если немцы будут существенно затягивать с началом наступления, нам следует первыми перейти к активным действиям, минуя запланированную оборонительную фазу, связанную с ожиданием удара противника на Курск. Генштабу поручалось ознакомить командование перечисленных выше пяти фронтов с общим замыслом Ставки и отдать приказы о разработке каждым из них наступательных операций с учетом общих целей и задач летней кампании. В свою очередь, Москва тоже предприняла ряд крупных мер для облегчения и повышения эффективности боевой работы войск. Например, в тот же день был существенно расширен «инструментарий» командования фронтов при реализации наступательных задач: И.В. Сталин подписал Постановление ГКО №3164сс о создании четырех артиллерийских корпусов прорыва и восьми тяжёлых пушечных бригад. Причём лишь один корпус, 4 акп, выделялся фронтам, удерживавшим Курский выступ, – войскам Рокоссовского. Решение о подчинении арткорпусов Центральному и Брянскому фронтам было обусловлено в первую очередь близостью их к столице и мощью обороны врага. Артиллерия рассматривалась как важный элемент в системе прикрытия московского направления в случае удара противника из района Орла на север и одновременно средством усиления войск, запланированных для ликвидации орловского выступа. Тем самым Ставка пыталась учесть печальный опыт ряда неудавшихся наступательных операций под Вязьмой и обеспечить фронты мощным инструментом прорыва долговременной и хорошо развитой обороны, которая создавалась здесь германскими войсками больше года. Ликвидация орловской группировки жёстко увязывалась с Курской оборонительной операцией Центрального и Воронежского фронтов. Поэтому сосед К.К. Рокоссовского, командующий Брянским фронтом, тоже получил два арткорпуса прорыва под номерами 2 и 7. Предполагалось, что они будут находиться в составе фронта вплоть до начала Орловской операции, а затем часть сил, 7 акп, будет переброшена на юг Курской дуги для взламывания рубежей противника непосредственно перед началом наступления на Харьков и далее. Однако эти планы реализовать в полном объёме не удастся, к концу июля Воронежский фронт получит не оба корпуса, а только часть их дивизий. А 4 акп РГК, к 5 июля 1943 г. уже находившийся в подчинении К.К. Рокоссовского и готовый к боям, сыграет очень важную роль при разгроме «Цитадели», а затем окажет существенную помощь его войскам при переходе в контрнаступление, хотя к этому времени его бригады, особенно гаубичные, понесут заметные потери.

В-четвертых, на совещании в Кремле были окончательно определены районы сосредоточения стратегических резервов. За неделю до этого, 6 апреля, было принято и оформлено решение о вводе принципиально новой организационной форма их объединения на одном направлении – Резервный фронт⁴², в который планировалось включить 50% всех войск, подчиненных напрямую Ставке ВГК. Несколько позже его переименуют в Степной военный округ, а затем вновь во фронт. Управление фронта планировалось сформировать на базе полевого управления 41А, включались в его состав шесть общевойсковых (2-я резервная, 24, 53, 66, 47 и 46-я), одна воздушная (5 ВА) и одна танковая (5 гв.) армии, шесть танковых (1, 3 и 4-й гв., 3, 10 и 18-й) и два механизированных (1-й и 5-й) корпуса. Кроме того, с 27 апреля ему передадут сразу пять кавалерийских корпусов (2, 3, 5, 6 и 7-й), после чего этот род войск станет у него самым сильным и многочисленным из всех стратегических объединений действующей армии. Причем из семи фронтов, которым предстоит участие в Курской битве, к её началу кавалерийскими соединениями будут располагать только два – Степной и Брянский, а непосредственное

⁴² Русский архив. Ставка Верховного Главнокомандования. Док. и матер. 1943 г. М.: ТЕРРА, 1999. С. 114, 115.

участие в боях примут только кавдивизии последнего. Территория СтепВО составляла 102 000 кв. км. Его центром был определён Воронеж.

Полностью силы округа будут развернуты в мае по линии Ливны – Старый Оскол – Короча. *«И.В. Сталин считал, – вспоминал С.М. Штеменко, – что на всякий случай Степной военный округ надо заранее поставить на центральном направлении в тылок действующим фронтам, имея в виду возможность использовать его и для решения оборонительных задач, если к тому вынудит обстановка».*⁴³ Ещё более определенно круг возможных задач округа в оборонительной фазе Курской битвы, Верховный очертит в конце июня 1943 г. в разговоре с его новым командующим генерал-полковником И.С. Коневым: *«Видимо, предстоит очень крупное сражение, и Степному фронту предстоит в этом сражении сыграть большую роль. То есть в случае, если противник прорвёт нашу оборону, фронту необходимо будет создать ударную группировку, нанести мощный контрудар и разгромить наступающего противника, а затем перейти в контрнаступление. Готовя войска к этим активным действиям, необходимо сейчас привести всю полосу Степного фронта в оборонительное состояние... Сталин обратил моё внимание на то, что оба направления – и Орловское и Белгородское – будут одинаково важны»*⁴⁴.

Но это будет позже, на втором этапе подготовки, а через две недели после совещания в Кремле, 23 апреля, Ставка направила командованию округом директиву №30107, в которой определялись задачи на ближайшее время. В документе указывалось:

«1. На период доукомплектования войск Степного военного округа одновременно с задачами боевой подготовки возложить на войска округа следующие задачи:

а) на случай перехода противника в наступление ранее срока готовности войск округа иметь в виду прочно прикрыть направления:

- 1. Ливны, Елец, Раненбург.*
- 2. Щигры, Касторное, Воронеж.*
- 3. Валуйки, Алексеевка, Лиски.*
- 4. Ровеньки, Россошь, Павловск.*
- 5. Старобельск, Кантемировка, Богучар и район Чертково, Миллерово.*

Командующему войсками округа организовать в соответствии с группировкой войск тщательное изучение командирами соединений и частей, их штабами этих направлений и возможных для развертывания рубежей;

б) принять, изучить и подготовить к обороне рубеж по левому берегу р. Дон – Воейково, Лебедянь, Задонск, Воронеж, Лиски, Павловск, Богучар. Готовность рубежа к 15 июня 1943 г.;

*в) произвести рекогносцировку оборонительного рубежа по линии Ефремов, Измалково, Чернова, Борт, Избище, Репьевка, Алексеевка, Ровеньки, Беловодск, ст. Дяткино, Каменск на р. Сев[ерский] Донец с целью определить состояние имеющихся на нем оборонительных сооружений, правильность выбора этого рубежа в соответствии с условиями местности. Особое внимание обратить на использование командных высот с целью создания наиболее выгодных условий наблюдения и системы огня»*⁴⁵.

Тем не менее основной акцент в документе был сделан на главную цель СтепВО, для которой он первоначально и создавался, – освобождение Украины. Поэтому во второй его части Ставка потребовала немедленно приступить к подготовке войск именно к наступлению: *«Войска, штабы и командиров соединений готовить главным образом к наступательному бою и операции к прорыву оборонительной полосы противника, а также производству мощных*

⁴³ Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. М.: Воениздат, 1968. С. 156.

⁴⁴ Знамя//1987. №12. С. 93.

⁴⁵ Русский архив. Великая Отечественная война. Ставка Верховного Главнокомандования. Док. и матер. 1943 г. Т.16 (5–3). М., 1997. С. 127.

контрударов нашими войсками, к быстрому закреплению захваченных рубежей, к отражению контрударов противника, к противодействию массированным ударам танков и авиации и к ночным действиям. Особо тщательно отрабатывать вопросы управления войсками и взаимодействия родов войск на всех этапах боя и операции.

Серьезное внимание уделить обучению на двухсторонних учениях разведке противника, имеющей своей целью вскрытие системы обороны и его группировки. Требовать обязательного непосредственного участия в разведке противника ответственных представителей штабов всех степеней до армейского и фронтового включительно, особенно на важнейших направлениях.

Учения со штабами проводить, как правило, многодневные, непрерывные, со средствами связи и разведки.

Учения с войсками от батальона и выше также проводить в течение нескольких дней, отрабатывая ряд связанных между собою тем, всемерно приближая условия учебы и быта войск к боевой действительности»⁴⁶.

Вторую половину резервов, учитывая требования И.В. Сталина надёжно прикрыть московское направление, было решено расположить за правым крылом Брянского фронта в районе Калуга – Тула – Ефремов.

По воспоминаниям высокопоставленных генералов, участников тех событий, уже в начале апреля и в Москве, и на фронтах не было больших сомнений в том, что в предстоящей кампании главные события развернутся в полосе Центрального и Воронежского фронтов. И с каждым днем эта уверенность только крепла. Тем не менее с началом разработки Курской оборонительной операции, особенно после поездок в войска Рокоссовского и Ватутина, у Г.К. Жукова возникло убеждение в том, что немцы могут нанести мощный удар ещё и в стык Воронежского и Юго-Западного фронтов, примерно там, где началось их наступление летом 1942 г. Мнение маршала разделял и генерал-полковник Р.Я. Малиновский⁴⁷. Эту точку зрения оба настойчиво отстаивали вплоть до начала Курской битвы. Поэтому в качестве страховочной меры за стыком этих фронтов, в районе г.Лиски, Ставка сосредоточит 5 гв. ТА и ещё ряд резервных соединений, а на крайнем левом крыле 7 гв. А Воронежского фронта, по требованию Г.К. Жукова, оборона будет построена в два эшелона, т.е. на второй армейской полосе полноценная стрелковая дивизия будет стоять «в затылок» такому же соединению, развёрнутому на главной полосе.

Это один из фактов, который наглядно свидетельствует, что в ходе планирования летней кампании не только Верховный Главнокомандующий помнил ошибки прошлого года, но и его заместитель, который, кроме того, ещё и стремился учесть трагический опыт лета 1942 г. Причём, вероятно, в силу высокой профессиональной интуиции, Г.К. Жуков точнее, чем И.В. Сталин, просчитывал замысел неприятеля. По его мнению, «изюмский выступ» хотя и трудно было сравнивать со столицей, однако войска Юго-Западного фронта, находившиеся в нём, были серьёзной угрозой для ГА «Юг», которая не могла не сковывать инициативу её командования. Следовательно, с большой долей вероятности оно будет пытаться ликвидировать этот плацдарм, что, в общем-то, и случится при подготовке к «Цитадели». Напомню, в оперативном приказе № 6 Гитлер отмечал, что при благоприятном развитии наступления на Курск (как и предполагал Г.К. Жуков) готов нанести удар на юго-восток (вариант плана «Пантера»). «Таким образом, уже в середине апреля Ставкой было принято предварительное решение о преднамеренной обороне, – писал Г.К. Жуков. – Правда, к этому вопросу мы возвращались неоднократно, а окончательное решение о преднамеренной обороне было принято Ставкой

⁴⁶ Русский архив. Великая Отечественная война. Ставка Верховного Главнокомандования. Док. и матер. 1943 г. Т.16 (5–3). М., 1997. С. 127.

⁴⁷ В ту пору командующий Юго-Западным фронтом, с 28 апреля 1943 г. – генерал армии.

в начале июня 1943 г. В то время уже фактически стало известно о намерении противника нанести по Воронежскому и Центральному фронтам мощный удар с привлечением крупной танковой группировки и использованием новых танков «тигр» и «пантера» и самоходных орудий «фердинанд»»⁴⁸.

Как свидетельствуют рассекреченные сегодня документы, Красная Армия была вполне готова первой перейти в наступление уже в мае, чего, кстати, немцы очень опасались. Однако Москва выбрала иной путь. Надо признать, что принятие этого решения требовало определённого мужества, т.к. за минувшие 20 месяцев войны в ходе стратегических операций советскому командованию ни разу не удавалось предотвратить прорыв своей полевой обороны танковыми клиньями вермахта. В лучшем случае противник блокировался в оперативной глубине, наспех сформированными новыми армиями и даже фронтами. При этом наши войска несли значительные потери, а враг получал под контроль большие территории. Повторение подобного Ставка уже допустить не могла. Курский выступ удерживали два фронта, имевшие в своём составе более одного миллиона человек, и разгром столь мощной группировки мог иметь катастрофические последствия. В 1999 г. в беседе со мной доктор исторических наук, полковник Ф.Д. Свердлов, которому в начале 1960 г. довелось слушать выступление К.К. Рокоссовского в Академии им. М.В. Фрунзе, вспоминал: *«Маршал особо подчеркивал, что уже 28 апреля, во время обсуждения плана обороны фронта в Кремле, И. В. Сталин поставил перед его руководством задачу: ни в коем случае не допустить глубокого вклинения танковых группировок немцев в оборону, остановить не далее тактической полосы и обескровить их ударные соединения – танковые и моторизованные дивизии. Такую же задачу, но чуть раньше (25 апреля. – З.В.) в Кремле, получил от Верховного и Военный совет Воронежского фронта»*. Уже после событий под Курском, осенью 1943 г., И.В. Сталин в беседе с командующим 5 гв. ТА генерал-полковником П.А. Ротмистровым так изложил главные причины, которые заставили его принять решение о переходе к преднамеренной обороне, заведомо зная, что действующая армия по численности живой силы и количеству основных типов вооружения превосходила противника в разы: *«Наша пехота с артиллерией очень сильна в обороне и нанесёт большое поражение наступательным силам гитлеровцев. В манёвренном же бою... пехота не так сильна. Наши танковые войска... вполне способны успешно вести бой... в маневренных условиях. Однако в ситуации, когда фашисты имели почти такое же количество танков, как и Красная Армия, но обладали численным превосходством в тяжёлых танках, риск был необоснованным»*⁴⁹.

Напомню, что танковые и моторизованные дивизии вермахта являлись важнейшим средством не только наступления, но и обороны (для нанесения контрударов). Следовательно, главной задачей, которую Ставка ставила перед своими войсками в районе Курска на первом этапе битвы (как и командование ГА «Юг» при планировании «Цитадели»), являлось истребление или по крайней мере нанесение тяжелейших потерь немецким подвижным соединениям на заранее подготовленных армейских оборонительных полосах, т.е. лишить командование противника важнейшего инструмента для срыва предстоявшего наступления Красной Армии на Украину и Белоруссию.

Одним из важных и крайне запутанных вопросов в истории Курской битвы является деятельность советских разведорганов по определению замысла Берлина на стадии обсуждения плана «Цитадель», а также их вклад в освещение процесса подготовки германской армии к удару на Курск весной 1943 г. и определение его даты. Как известно, ни одна разведка не может выиграть битву или войну, но в зависимости от степени эффективности она, как правило, оказывает большую помощь в этом. Тем не менее в последнее время часто встречаются издания, в которых некоторые сотрудники отечественных спецслужб утверждают, что ключевая роль в

⁴⁸ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т.3. М.: Новости, 1990. С. 23.

⁴⁹ Ротмистров П.А. Время и танки. М.: Воениздат, 1972. С. 162.

победе под Курском принадлежала именно советской разведке. Потому что якобы вся колоссальная работа военно-политического руководства СССР и Красной Армии по разработке и подготовке Курской оборонительной операции началась только после того, как данные, полученные разведорганами весной 1943 г., были окончательно перепроверены и признаны верными. Например, генерал-лейтенант В.А. Кирпиченко пишет: *«Дж. Кэрнкросс в конце апреля, за два с лишним месяца до начала Курской битвы, передал в Москву полную информацию о том, что немецкое наступление начнется в июле. Это была дешифровка телеграммы в Берлин немецкого генерала фон Вейхса, который готовил немецкое наступление на юге Курской дуги. ...Информация перепроверялась десятки и десятки раз! ...Когда же она многократно подтвердилась, была начата быстрая разработка плана преднамеренной обороны»*⁵⁰. Встречаются и ещё более спорные утверждения. Например, бывший начальник 4-го отдела НКГБ СССР П.А. Судоплатов писал, что наша разведка даже влияла на принятие решения о неоднократном переносе начала операции «Цитадель»⁵¹. А сотрудник внешней разведки полковник Ю. Модин подчеркивал, что *«советская победа в великом танковом сражении на Курской дуге под Прохоровкой в июле 1943 г., когда 2000 танков намертво сцепились в кровавой битве, длившейся два дня и две ночи, могла быть отчасти отнесена на счёт Джона Кэрнкросса»*⁵². Однако факты, приведённые упомянутыми авторами, к сожалению, не подтверждаются ни документами, ни событиями первой половины 1943 г.

В советской историографии этот вопрос всесторонне не был освещён, причём в основном по объективным причинам: к тому времени ещё не истёк 50-летний период секретности архивной документации, установленный законом. Следовательно, и предметно обсуждать было нечего. Поэтому в работах отечественных историков результаты деятельности разведки в марте-июне 1943 г. освещались поверхностно. Примерно так, как это отражено в книге ведущих советских специалистов по Курской битве Г.А. Колтунова и Б.Г. Соколова: *«По заданию Генерального штаба велась тщательная разведка на участках Центрального, Воронежского и Юго-Западного фронтов. Перед Разведывательным управлением и Центральным штабом партизанского движения была поставлена задача – выяснить наличие и расположение резервов в оперативной глубине противника, районы сосредоточения войск, перебрасываемых с запада... Уже в начале апреля удалось установить, что противник стягивает в район Курского выступа крупные силы для большого летнего наступления. Это не могло не повлиять на решения советского командования, его замыслы»*⁵³. И этим изложение вопроса исчерпывалось. Дальше авторы приступали к изложению процесса принятия решения о преднамеренной обороне.

Таким образом, примерно до первой половины 1980-х гг. при рассмотрении этой темы основное внимание уделялось описанию деятельности Генерального штаба и предвидению советских полководцев, в меньшей степени – боевой работе войсковых разведорганов и партизан, работа же стратегической разведки и её конкретные результаты практически не анализировались. Например, отдельные авторы отмечали важную роль в сборе ценных данных по «Цитадели» сотрудника НКВД Н.И. Кузнецова, действовавшего на оккупированной территории СССР под именем обер-лейтенанта П. Зиберта⁵⁴. Однако оценить результаты его деятельности как разведчика сегодня пока трудно. В книгах «Это было под Ровно» и «Сильные духом» бывший командир Н.И. Кузнецова полковник Д.Н. Медведев, возглавлявший партизанский отряд «Победители», рассказал о его разговоре с рейхскомиссаром Украины Э. Кохом, состо-

⁵⁰ Бондаренко А.Ю., Ефимов Н.Н. Тайные страницы Великой Отечественной. М., 2009. С. 128, 129.

⁵¹ Судоплатов П. Победа в тайной войне. 1941-1945 годы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 321.

⁵² Модин Ю. Судьбы разведчиков. Мои кембриджские друзья. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1997. С. 167.

⁵³ Колтунов Г.А., Соловьёв Б.Г. Курская битва. М.: Воениздат, 1970. С. 28.

⁵⁴ Лукин А.А., Гладков Т.К. Николай Кузнецов. М.: Молодая гвардия, 1971. С. 82.

явшемся 31 мая 1943 г., в ходе которого последний якобы сообщил о крупном «сюрпризе», который Гитлер готовит в ближайшее время большевикам под Курском, и рекомендовал поскорее возвращаться в свою часть⁵⁵. В этих изданиях описываемые события были облечены в художественную форму, но во вступительной статье автор подчеркнул: всё изложенное им происходило в действительности⁵⁶. Поэтому информация стала довольно широко использоваться, в том числе и в научной литературе⁵⁷. О том, что такой разговор был и Н.И. Кузнецов действительно передал сведения по Курску в Центр, подтверждал и П.А. Судоплатов⁵⁸. Однако в 1998 г. известный писатель и исследователь истории разведки Т.К. Гладков опубликовал выдержку из рапорта Н.И. Кузнецова о той памятной встрече, но упоминания Курска в ней нет. В разговоре речь шла вообще о мнении немецких военнослужащих *«о подготовке наступления на Востоке»*⁵⁹, без указания даты и места. Но даже если бы Курск и упоминался, в тот момент эта информация мало что давала Москве. Она могла лишь подтвердить уже известное: немцы готовят крупное наступление против Центрального и Воронежского фронтов, оборонявших Курский выступ.

Постепенно, уже на излёте советской эпохи, в открытой печати стали появляться статьи об активном участии в подготовке оборонительной операции и стратегической разведки. Наконец, после развала СССР в научный оборот начали вводиться документы спецслужб, печататься воспоминания их бывших сотрудников и книги исследователей с важными данными по этой теме. Однако вести анализ этого массива информации и воссоздавать процесс поступления руководству СССР данных о противнике перед Курской битвой историкам мешала и продолжает мешать подчинённость структур, работавших с загранагентурой, разным ведомствам. В то время основная информация шла от трёх спецслужб: Разведуправления ГШ (после 19.04.1943 г. с зарубежной агентурой Генштаба будет работать только его Главное разведывательное управление – ГРУ ГШ КА) Генштаба Красной Армии, НКГБ и Центрального штаба партизанского движения. Поэтому, чтобы оценить вклад сотрудников каждого из этих органов в победу на Огненной дуге, следует провести сбор и обработку всего комплекса источников, хранящихся в архивах сразу трёх ведомств: Министерства обороны, Службы внешней разведки, Федеральной службы безопасности, а это крайне сложно в силу их разной степени закрытости. Тем не менее, опираясь как на известные материалы, так и обнаруженные автором документы из Центрального архива Министерства обороны РФ и Национального архива США, лишь недавно ставшие доступными отечественным исследователям, попробуем выстроить процесс поступления основных донесений разведки по данной проблематике в хронологической последовательности, чтобы с учётом происходивших событий понять, влияла ли она на деятельность советского командования и в какой мере могла Москва использовать её для принятия ключевых решений в период подготовки Курской битвы.

Итак, в марте – начале апреля разведке были поставлены задачи: выявить намерения противника на период после завершения распутицы, определить цели и задачи, формы их реализации и районы сосредоточения главных ударных группировок. *«Анализ обстановки показывал: именно тут (на Курской дуге. – З.В.) фашистское руководство попытается дать решительный бой; – вспоминал А.М. Василевский. – Но этого мало. Предположения нуждались в подтверждении разведкой, ибо в истории воин известно немало случаев, когда противник наступает не там, где его ждут»*⁶⁰. Первые данные о планах Берлина на район Кур-

⁵⁵ Медведев Д. Это было под Ровно. М.: «Правда», 1987. С. 156; Медведев Д. Сильные духом. М.: ДОСААФ, 1984. С. 200.

⁵⁶ Медведев Д. Сильные духом. М.: ДОСААФ, 1984. С. 5.

⁵⁷ История Второй мировой войны 1939-1945. Т.7. М.: Воениздат, 1976. С. 115.

⁵⁸ Судоплатов П. Победа в тайной войне. 1941-1945 годы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 344.

⁵⁹ Гладков Т.К. «С места покушения скрылся...». М.: Гей, 1998. С. 242.

⁶⁰ Песков В. Командная точка.//Известия. 2008. 8 мая.

ска поступили в Ставку из агентурных источников разведуправления Генштаба в Швейцарии 16 марта 1943 г., т.е. практически сразу же после захвата Харькова и подписания Гитлером оперативного приказа № 5. В радиограмме резидента в Берне Ш. Радо («Дора») отмечалось: *«Немецкое главное командование намерено использовать освободившиеся после сокращения Центрального фронта сильные боеспособные части для обратного захвата Курска»*⁶¹.

Из донесения того же источника о совещании Г. Геринга с представителями промышленности и ОКВ, поступившего через двое суток, 18 марта, вытекало, что второй человек в Рейхе говорит о плане захвата Курска как о деле, фактически решённом: *«Только что в замке Губертуситток состоялась конференция под председательством Геринга при участии руководящих представителей ОКВ и важнейших представителей немецкого хозяйства во главе с Рехлингом и Флейгером.*

Геринг сделал доклад о стратегических, политических и организационных планах немецкого главного командования. Согласно этому докладу, немецкое главнокомандование после захвата Харькова и Курска ожидает новое наступление Красной Армии, но только через определённый промежуток времени, в течение которого немецкое командование надеется суметь обеспечить необходимым образом оборону между фронтом и линией «Оствал» («Восточный вал»). – З.В.).

*Геринг выразил уверенность в том, что немецкому командованию удастся, благодаря отсутствию согласия между англосаксами и СССР благополучно преодолеть критический период, переживаемый немецкой армией до середины апреля. После 15 апреля сокращение восточного фронта (срез Курской дуги, первоначально планировавшийся на 27 марта. – З.В.) и результаты «тотальной мобилизации» позволят снова укрепить западный и южно-европейский фронты сильными соединениями армии и воздушного флота и постепенно восстановить там прежнее положение»*⁶².

Данные, полученные из Швейцарии 22 марта, стали наиболее подробными из всех тех, что поступили в Москву перед совещанием в Кремле 12 апреля (и нам сегодня известны). *«Немецкая воздушная разведка установила, что советские войска в районе Курска усилены в гораздо большей степени, чем это ожидали немцы, – говорилось в радиограмме «Доры», – а также, что вокруг Курска ускоренными темпами производится строительство укреплений для создания лучших предпосылок к введению в действие советской артиллерии, чем это было возможно у Харькова.*

Немецкое военное командование всеми мерами ускоряет массирование сил для нанесения удара в направлении на Курск. Войска и танковые части отводятся из района Харькова и готовятся к наступлению на Курск через Сумы на север.

*Для удара против Курска и в составе группы Вейхса*⁶³ *находятся в боеспособном состоянии мотодивизии. Большинство подвижных резервов пока ещё связаны в районе Харькова и в связи с большими потерями ещё не могут быть переброшены в новый район. Среди этих наступательных резервов находятся три танковые гренадерские дивизии: «Адольф Гитлер», «Рейх» и «Мертвая голова». Из этих трех дивизий только дивизия «Мертвая голова» находится в настоящий момент в боеспособном состоянии и может быть переброшена»*⁶⁴.

А 3 апреля, когда Г.К. Жуков и А.М. Василевский уже развернули работу в войсках, оборонявшихся в районе дуги, для определения намерений противника поступило ещё одно сообщение из Берна, которое подтверждало ранее присланную информацию и расширяло её:

⁶¹ Лота В. Без права на ошибку. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 85.

⁶² Там же. С. 86.

⁶³ Ошибка ГА «Б», которой командовал фельдмаршал М. фон Вейхс, была разбита в феврале 1943 г., а в это время на юге и юго-западе советско-германского фронта уже действовала ГА «Юг» фельдмаршала Э. фон Манштейна, у которого М. фон Вейхс был заместителем.

⁶⁴ Лота В. Без права на ошибку. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 86, 87.

«Намерение Генштаба отменить наступление на Курск было отменено Гитлером и Герингом в связи с тем, что немецкое правительство обязалось по дипломатической линии завоевать обратно все исходные позиции летнего наступления прошлого года...»⁶⁵.

Все материалы военной разведки по данной проблематике, которые в это время направлялись в Ставку, найти пока не удалось. Обнаружен лишь доклад «О вероятных планах немецкого командования на весну и лето 1943 года», подписанный 29 марта 1943 г. начальников управления войсковой разведки Генштаба генерал-майором Л. В. Оняновым. Это документ очень интересный и важный, т.к. позволяет узнать прогноз именно военной разведки Советского Союза о замыслах Берлина к началу планирования летней кампании не в интерпретации, современных исследователей, которых сегодня не счесть, а «из первых уст».

По мнению авторов доклада, германские войска в этот период в северной части советско-германского фронта перейдут к обороне. Это подтверждается отводом на 100-200 км войск 9 и 4А на московском направлении. И предпримут активные наступательные действия «в южном секторе восточного фронта, на Воронежском и Ростовском операционных направлениях»⁶⁶. Их главная цель – расшатывание обороны Красной Армии в её ключевых звеньях, перехват магистралей к западу от р. Дон, связывающие центральные области СССР с Кавказом. Для этого германское командование может провести операцию с «ограниченной целью, т.е. добиться максимального снижения способности к сопротивлению Красной Армии путем постепенного вывода из строя живой силы, вооружения и техник»⁶⁷. По данным военных разведчиков, для этого наступления уже создают две ударные группировки: орловская (2ТА) и Харьковская (1 и 4ТА), причем последняя оценивалась как основная. Наиболее вероятно, что основная задача (операции) будет окружение Курской (Центральный и Воронежский фронты) или Купянской (Юго-Западный) группировок советских войск. Кроме того, не исключалось, создание и третьей группировки, на Донбассе, в районе Славянск – Дебальцево (1ТА, б и 17А). При первом варианте наступления, удар будут наносить орловская и харьковская группировки в направлении Воронежа (расстояние между группировками 200 км). Глубина операции 200 км. По второму, окружение в Купянской дуге, Харьковская и Славянская (расстояние между ними 200 км) – в общем направлении на Богучар. Глубина — 200-250 км⁶⁸. Кроме того, на скользящем направлении (на Льгов) по линии Севск, Сумы, Томаровка (в стык Центрального и Воронежского фронтов) будет действовать 2А. Глубина её наступления 300 км.

В докладе так же было уделено внимание дате наступления и тому, как можно противодействовать противнику. По мнению военных разведчиков, если в ближайшие 5-10 дней, т.е. в период с 3 по 8 апреля, вермахт не нанесет удара, то операцию следует ожидать в первой половине мая. Сорвать его замыслы можно лишь нанеся удар по Харьковской группировке, если же предпринять активные действия против орловской, то командование вермахта будет в состоянии реализовать свой план наступления.

В итоговой части отмечалось:

«1. Ликвидацией южного фронта «А» и «Б», немецкое командование отказывается от попыток наступления на Кавказ и в направлении излучины р. Дон.

2. Оперативное построение армий противника указывает на усиление правого фланга Центрального фронта (ГА «Центр».— З.В.) и Южного фронта (ГА «Юг» — З.В.) противника.

3. Все танковые дивизии Восточного фронта (советско-германского — З.В.) противника за исключением 2-3-х, сосредоточены в южном секторе, т.е. к югу от линии Орёл – Брянск,

⁶⁵ Там же. С. 19.

⁶⁶ ЦАМО РФ. Ф. 15. Оп. 11600. Д. 1475. Л. 4.

⁶⁷ ЦАМО РФ. Ф. 15. Оп. 11600. Д. 1475. Л. 4.

⁶⁸ ЦАМО РФ. Ф. 15. Оп. 11600. Д. 1475. Л. 5 обр.

что подтверждает предположение: основными активно действующими фронтами будут являться правый фланг Центрального фронта и весь Южный фронт противника.

Вероятные операционные направления наступления войск Южного сектора Восточного фронта противника.

Из оперативного построения немецких армий вытекает два возможных варианта:

1. *Наступление с целью выхода на р. Дон от Воронежа до Богучара, на р. Калитва и в излучину нижнего течения р. Сев. Донец с захватом Ростова.*

2. *Наступление на Воронеж с дальнейшим наступлением в направлении на северо-восток в обход Москвы с востока...*

Обоими вариантами наступления будет преследоваться основная задача: попытка последовательного окружения и уничтожения наших Курской и Курганской группировок...

Наступление Харьковской группировки во взаимодействии с Орловской группировкой в направлении Воронежа...

В наступательной операции 1943 г. не исключается возможность повторения наступательной операции 1942 года в части выбора направления главного удара с резким изменением направления для выхода на оперативные тылы обороняющейся стороны...»⁶⁹.

Нельзя не признать высокий профессионализм сотрудников управления войсковой разведки и их проницательность. Тем не менее, отмечу документ не ровный и не все выводы, изложенные в нем, оказались верны. Безусловно, и в главном, где развернуться основные события, и по отдельным важным вопросам, таким как, цели наступления, примерные участки, распределение подвижных соединений вермахта по районам советско-германского фронта, оценки были точными. Однако, что касается общего замысла Берлина на кампанию 1943 г., то здесь явно допущен просчёт. Замысел противника выглядит чрезмерно масштабным. Причины этого, вероятно, в том, что у разведки в этот момент отсутствовала информация о реальном потенциале Германии и серьёзно сократившихся после Сталинграда возможностях вермахта. Кроме того, полагаю, что над руководством управления ещё продолжал довлеть фактор побед вермахта в 1941 и 1942 г., поэтому оно явно переоценивало его способность «собираться» для решительного рывка в глубину СССР, к Дону и даже восточнее Москвы. Об этом свидетельствует первый пункт доклада, который полностью состоит из цитаты Верховного: «Но они (немцы — Л.О⁷⁰.) ещё достаточно сильны для того, что бы организовать серьёзное наступление на каком либо одном направлении /Сталин/. Тем не менее, в тот момент для Ставки этих данных было достаточно, чтобы сформировать общее представление о возможных планах неприятеля и сосредоточить основное внимание и усилия на Курской дуге, как узловом районе, где вероятнее всего и развернуться главных событий этого года.

По другим каналам стратегической разведки СССР так же шли данные по этой проблематике, и не только военного, но и военно-экономического характера, которые тоже свидетельствовали о подготовке Германией крупного наступления, в том числе и в этом районе. Если опираться на спецсообщение информационного отдела 1-го Управления НКГБ в адрес наркома государственной безопасности комиссара госбезопасности 1 ранга В.Н. Меркулова от 27 мая, то разведсеть Генштаба в этот момент лидировала в поставке ценной информации о «Цитадели». Руководство НКГБ считало первой, наиболее серьёзной информацией по Курску донесение своей агентуры из Лондона от 30 апреля и перехваченную телеграмму из ГА «Юг» в Берлин от 25 апреля⁷¹. Хотя справедливости ради следует подчеркнуть, что НКГБ уже 10 апреля получило тоже интересные данные, в частности, от начальника чешской военной разведки полковника Ф. Моравица, сотрудничавшего с нами. По его сведениям, рубежом

⁶⁹ ЦАМО РФ.Ф.15. Оп. 11600. Д. 1475. Л. 6 обр, 7.

⁷⁰ Леонид Онянов.

⁷¹ «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки. М.: Московские учебники и Картолитография, 2003. С. 266.

выхода ударных соединений вермахта к завершению операции определялся г. Воронеж. *«Этим наступлением, – утверждал он, – немцы преследуют цель вывести советскую армию из действия, по крайней мере, на ближайшие 6 месяцев»*⁷².

Тем не менее, даже если проанализировать лишь информацию РУ ГШ РККА в комплексе хотя бы с донесениями разведотдела штаба Воронежского фронта, то они, во-первых, во многом совпадали, во-вторых, ясно свидетельствовали о наступательных намерениях немцев в районе Курского выступа с целью его ликвидации. Лишь один пример: в марте сначала 313-й радиодивизион Воронежского фронта запеленговал работу радиостанций всех указанных в донесении «Доры» дивизий СС, а 20 марта, после боя под Белгородом, подразделениями 52 гв.сд были добыты документы убитых эсэсовцев из мд СС «Мертвая голова». Таким образом, информация из двух совершенно разных источников о переброске немцами элитного соединения к южной части Курской дуги подтвердилась.

Однако далеко не всё было так гладко. Определяющим фактором при решении вопроса об использовании разведданных для командования любого уровня во всех армиях является доверие к источнику информации. А с этим у Москвы в отношении Бернской резидентуры к апрелю 1943 г. были серьёзные проблемы. Как утверждал после войны бывший начальник 4-го (разведывательно-диверсионного) отдела НКВД-НКГБ генерал-лейтенант П.А. Судоплатов, информация от «Красная капеллы», одним из руководителей которой являлся Ш. Радо, *«носила для нас второстепенный характер»*⁷³. Причин было несколько. Одним из главных поставщиков сведений по Германии для Ш. Радо был агент «Люци» – немецкий эмигрант Р. Рёслер, который, как считается, имел широкую сеть информаторов в самом Рейхе, но настойчиво скрывал их имена и должности, объясняя это стремлением обезопасить людей от провала. Его сведения, поступавшие «Доре» уже больше года, были интересными и приходили очень оперативно, что в условиях войн являлось большим плюсом, хотя и не могло нестораживать. В радиограммах Центр хвалил источник за хорошую работу, высылал деньги, но в действительности же Москва не доверяла его сообщениям. Сравнительный анализ данных с разных источников, в первую очередь от членов так называемой «Кембриджской пятерки», привёл Центр к выводу: в сеть «Доры» англичане внедрили своего агента и через него «качают» в Москву отфильтрованную информацию. П.А. Судоплатов в своей книге упоминает этого двойного агента – им был основной радист группы по кличке «Джим»: *«Весной 1943 г., за несколько недель до начала Курской битвы, наша резидентура в Лондоне получила от кембриджской группы информацию о конкретных целях планировавшегося немецкого наступления под кодовым названием Операция «Цитадель»... Сообщение из Лондона содержало более обстоятельные и точные планы немецкого наступления, чем полученные по линии военной разведки от «Люци» из Жиневы. Руководителям военной разведки и НКВД стало совершенно ясно», что англичане передают нам дозированную информацию, но в то же время хотят, чтобы мы сорвали немецкое наступление»*⁷⁴.

Пока сведения от «Люци» были полезны советской стороне как вспомогательная информация, но в любой момент союзники могли подсунуть и «дезу». Эта опасность всегда существовала, но особенно она начала возрастать в начале весны 1943 г., когда в отношениях между союзниками возникло серьёзное напряжение. С марта Великобритания и США прекратили поставку вооружения и техники северными конвоями, что серьёзно осложняло работу по восстановлению Красной Армии после тяжелой зимней кампании. Кроме того, началась подковерная возня с целью переноса даты открытия Второго фронта, который был обещан руководством США и Англией в августе-сентябре 1943 г., на год позже.

⁷² Там же.

⁷³ Судоплатов А.П. Победа в тайной войне. 1941-1945 годы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 305.

⁷⁴ Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1996. С. 168-170.

Анализ архивных источников и мемуаров Ш. Радо позволил некоторым отечественным исследователям пойти ещё дальше и утверждать, что большая часть информации по Германии для «Доры» готовилась спецслужбами Рейха и умело подсовывалась источникам Р. Рёслера, в частности «Вертеру», возможно, и он сам был агентом спецслужб Рейха⁷⁵. Это суждение не лишено основания. Обратимся к донесению Ш. Радо, опубликованному в его книге «Под псевдонимом «Дора», которое передал «Люси» 18 апреля 1943 г.: *«Состава 4-й танковой армии под командованием генерала Гота: танковые дивизии – 3-я, 35-я, 37-я, дивизия СС «Викинг», моторизованные и легкие дивизии – 13-я, 26-я, 103-я; временно изъятые для пополнения 9-я и 11-я танковые дивизии; изъятые для переформирования 6-я и 7-я танковые дивизии. Формирование 4-й танковой армии к летним операциям должно быть закончено только в мае»*⁷⁶. Эти данные далеки даже от тех, что имели разведотделы наших фронтов, против которых действовало указанные в шифровке вражеское объединение. В радиограну из Берна не включены три дивизии корпуса СС, которые командование 4ТА получило ещё в феврале 1943 г., с этого момента и вплоть до завершения «Цитадели» они находились в его подчинении. В то же время 7, 9, 25 и 27 тд, 12, 25 и 103 мд и дивизия СС «Викинг» ни до Харьковского сражения, ни после него не были в подчинении 4ТА. 3 тд в это время входила в составе 1ТА и будет передана Г. Готу лишь в июне, 25 тд была развернута в Норвегии, 27 тд находилась в Германии, 9 тд – в ГА «Центр», а 12, 26 и 103 мд в составе вермахта не существовало⁷⁷. Такие же существенные нестыковки обнаруживаются и в других сообщениях «Люди». Отдельные шифровки «Доры» вообще выглядят фантастическими: *«Начиная с середины апреля 1943 г., начнут поступать первые новые танковые дивизии, которые Гудериан формирует в самой Германии и генерал-губернаторстве. Гудериан намерен, начиная с 15 апреля, передавать главному командованию армии каждые 15 дней по одной танковой дивизии»*⁷⁸.

Напомню, в этот момент о формировании новых подвижных соединений Берлин даже не помышлял, он «скрёб по сусекам», чтобы восстановить имеющиеся если не до штата, то хотя бы приблизиться к нему, а с большим скрипом шло и производство новой бронетехники. Как известно, это стало одной из официальных причин переноса, по крайней мере первой, майской даты начала «Цитадели». Это донесение «Доры» очень напоминает заявление Н.С. Хрущева, сделанное им в начале 1960 г., о том, что СССР делает ракеты, как сосиски. Но слова главы советского правительства были пропагандистским трюком. Донесение же швейцарской резидентуры имело априори иной статус. Вероятно, в том числе и из-за этих уж слишком нереальных данных в Москве возникли подозрения (или, точнее, укрепилось недоверие) в отношении бернской резидентуры и её источников. Поэтому её сообщения попадали в разряд в лучшем случае «для перепроверки», а затем пришло время и тщательного расследования её работы, результаты которого для тех, кто плотно соприкасался с её информацией, не стали ошеломляющими. *«Проведенная в ГРУ ГШ проверка сообщений от резидентуры «Дора» выявила, что по каналу от источника, скрывавшегося под псевдонимом «Вертер», в Москву достаточно часто поступала дезинформация, – отмечает О.В. Каримов. – «Вертер» давал обширную информацию по вооруженным силам противника, планам главного командования Германии. С 7 ноября 1942 г. по 25 июля 1943 г. «Вертер» представил 84 донесения, содержание которых касалось этих главных вопросов. При повторной проверке было установлено, что полностью достоверных сообщений, поступивших вовремя, было лишь 15. Достоверных, но поступивших с опозданием, – 29. Дезинформационных – 23. Дезинформационных, имевших цель завуалировать намерение германского командования, – 17. Таким образом, проверка*

⁷⁵ Наиболее развернуто это предположение обосновал Б.В. Соколов в книге «Разведка».

⁷⁶ Радо Ш. Под псевдонимом Дора. М.: Воениздат, 1973. С. 200.

⁷⁷ Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933-1945. М.: «Изогриус»; ЭКСМО, 2002. С. 764-768.

⁷⁸ Кондрашов В.В. Военная разведка во Второй мировой войне. М.: Кучково поле, 2014. С. 343.

показала, что почти половина сообщений «Вертера» носила дезинформационный характер»⁷⁹. Замечу, что эта повторная проверка проводилась уже после Курской битвы, но её причина – серьёзное недоверие к донесениям из Берна, которое возникло именно в период подготовки к летней кампании. Чтобы представить, какие донесения и почему Центр относил к категории «Достоверных, но поступивших с опозданием», приведу выдержку из сообщения, полученного «Дорой» 5 июня и направленного в Москву 11 июня 1943 г.:

« а) До изменения обстановки в конце мая немецкое главное командование планировало начать наступление на советско-германском фронте (прорыв фронта) следующими силами: 1-й и 4-й танковыми армиями, 6-й армией и вновь сформированным, состоящим из пяти дивизий, 11-м армейским корпусом, который составляет ударное крыло 2-й армии. Одновременное наступление всех этих войск не предполагалось.

Немецкое главное командование планировало ударить сначала силами 1-й танковой армии и частью 6-й армии на Ворошиловград в направлении Нижнего Дона.

*После середины мая рассматривался план наступления сначала силами 4-й танковой армии и 11-го армейского корпуса против Курска. Несмотря на некоторые колебания, подготовленные к наступлению соединения группы Манштейна, продолжают оставаться на исходных позициях...»*⁸⁰.

Информация из первых двух абзацев серьёзных сомнения не вызывает, это краткое изложение разных предложений и вариантов планов боевых действий в южной части Курской дуги и южнее, которые обсуждались в Берлине в течение всей весны (операция «Пантера» и т.д.). Но к началу июня даже эта частично правдивая информация утратила свою актуальность. Вероятно, поэтому и были подброшены источникам «Доры» для повышения авторитета в глазах Москвы. Дезинформация разбросана по всему тексту. Во-первых, 11 ак в это время не входил в состав 2А, а располагался южнее, под Белгородом, в АГ «Кемпф». Следовательно, в состав «ударного крыла» 2А входить не мог. Во-вторых, удар 4ТА на Курск с юга рассматривался как приоритетный не с середины мая, а изначально, с марта-апреля. В-третьих, ни в конце мая, ни в начале июня ударные соединения группы Манштейна, выделенные для «Цитадели», не выдвигались на исходные позиции для наступления на Курск, а по-прежнему продолжали находиться в тылу на отдыхе и комплектовании. В это время уже стало понятно, что установленная дата начала «Цитадели» – 12 июня – нереальна, т.к. необходимого числа бронетанковой техники выпущено не было, а значительные силы (целый корпус) 9А увязли в брянских лесах, участвуя в операции «Циганский барон», поэтому к наступлению была не готовы.

А вот сообщение, данные которого было призваны скрыть истинные намерения противника: «27.6.43. Директору. Молния. От Вертера. Берлин, 21 июня. Главное командование сухопутных сил проводит перегруппировку армий группы Манштейна. Целью перегруппировки является создание угрозы флангам Красной Армии на тот случай, если она предпримет наступление из района Курска на запад – в направлении на Конотоп. Дора». Напомню, 21 июня Гитлер окончательно решил начать «Цитадель» в первых числах июля и утвердил предварительную дату – 3-го, а через несколько дней скорректировал её на 5 июля. С 27 июня 9А и ГА «Юг» приступили к выдвиганию ударных группировок на исходные позиции, и именно 21 июня агент «Вертер» из Берлина получает данные о том, что в ближайшие дни начнётся перегруппировка в районе Курского «балкона», которую русские с большой долей вероятности могут засечь.

Поэтому-то в донесении разъясняется, что движение огромной массы войск – якобы страховка на случай возможного удара Красной Армии, а не подготовка к удару на Курск. Подоб-

⁷⁹ Великая Отечественная война. 1943 год. Исследования, документы, комментарии / отв. ред. В.С. Христофоров. М.: Издательство Главного архивного управления Москвы, 2013. С. 192.

⁸⁰ Там же. С. 234.

ные сообщения – один из элементов плана дезинформационного обеспечения «Цитадели». Сегодня понятно, что информация этого и подобных ему сообщений из швейцарской резидентуры – вымысел, но тогда это был далеко не очевидный факт. Поэтому Москва лишь через неделю могла по достоинству оценить «большую ценность» данных «Вертера». А вот сообщение того же источника от 6 июля 1943 г., присланное из Берна 10 июля, не требовало никакого времени, чтобы понять его суть, оно сразу попало в разряд дезинформации:

«Директору. Молния. От Вертера. Берлин, 6 июля.

Приказа о превентивном наступлении немецкой армии не было к тому моменту, когда Красная Армия 5 июля ответила массированным контрударом на частное наступление немцев в районе Томаровки, которое произошло 4 июля силами одной-двух дивизий и имело целью провести глубокую разведку в связи с тем, что немцы опасались развития событий между Великими Луками и Дорогобужем.

Установив объём наступательного удара Красной Армии между Харьковом и Курском, командование приказало начать наступление двумя армиями в секторе Курска. 6 июля немецкое командование рассматривало бои всё ещё как оборонительные и постепенно вводило в сражение новые резервы, главным образом через Харьков, Лебедин, Конотоп»⁸¹.

Напомню: 4 июля 1943 г. никаких глубоких разведок немецкие войска на юге Курской дуги не вели. А в рамках подготовки к реализации «Цитадели» все четыре дивизии 48 тк 4ТА провели севернее и северо-восточнее Томаровки частную операцию по захвату высот и укрепленных сёл Герцовка и Бутово, располагавшихся перед фронтом войск правого крыла 6 гв. А. 5 июля советская сторона ни контрудара, ни вообще каких-либо активных наступательных действий в полосе Воронежского фронта не предпринимала, а наоборот, в этот день главные силы ГА «Юг» перешли в наступление на Курск. Уже к утру 6 июля для его отражения командование фронта задействовало все свои резервы, а во второй половине дня 2 тк СС 4ТА, прорвав две из трёх армейских оборонительных полос, разбил две его усиленные стрелковые дивизии, удерживавшие обоянско-прохоровское направление, и окружил резервный 5 гв. Сталинградский танковый корпус, выдвинутый Н.Ф. Ватутиным для их усиления в этот район. В связи с этим в тот же день командование фронта было вынуждено обратиться в Ставку с просьбой о выделении дополнительных сил. И на этом фоне из Берна шли убаюкивающие депеши о том, что все эти события Берлин рассматривает не иначе как оборону против советских войск. Трудно себе представить, чтобы в Москве могли поверить этим небывицам и действительно ценили источники «Доры». Кстати, возможно, это покажется удивительным, но сам Ш. Радо даже в начале 1970-х гг. продолжал считать все свои донесения, в том числе и упомянутые выше, вполне правдивыми⁸².

Поэтому нельзя согласиться с утверждением некоторых отечественных авторов о том, что к началу апреля советская разведка обеспечила руководство страны необходимой информацией о «Цитадели» в полном объеме. Данные действительно поступали, но не широким потоком, а на те, что были получены к началу апреля, Ставка опираться, и справедливо, опасалась, поэтому была вынуждена предпринимать немалые усилия для получения других данных по альтернативным каналам.

Следует признать, что в это время часто далекой от реальности была и развединформация, поступавшая из действующей армии. Так, например, по данным управления войсковой разведки Генштаба, которые приводит в своей книге С.М. Штеменко, к 8 апреля 1943 г. против войск Рокоссовского и Ватутина немцы сосредоточили якобы 15-16 танковых дивизий в

⁸¹ Радо Ш. Под псевдонимом «Дора». М.: Воениздат, 1973. С. 252.

⁸² Радо Ш. Под псевдонимом «Дора». М.: Воениздат, 1973. С. 250-259.

составе 2500 танков⁸³. В действительности же в этот момент столько бронетехники вермахт не имел на всём Восточном фронте. 1 апреля 1943 г.

ГА «Центр» и «Юг» располагали 1283 танками (396 и 887 соответственно), из которых в строю числилось лишь 570 (181/389). А на всём советско-германском фронте противник имел 1336 боевых машин, из которых исправных 45,8%, т.е. 612⁸⁴. Ошибочная информация о наличии у него столь значительной группировки танков под Курском, безусловно, заставляла советскую сторону серьёзно нервничать. Ведь на 29 марта Центральный фронт имел всего 543 исправных танка, в том числе 232 Т-34 и КВ⁸⁵, остальные лёгкие и иномарки. А Воронежский и того меньше: 9 апреля в строю числилось лишь 276 машин и 44 – в пути⁸⁶. Кроме того, следовало учитывать резервы вермахта, а также его возможность усиливать соединения в этом районе, используя бронетехнику со «спокойных» участков. Таким образом, теоретически всё это в комплексе могло дать очень значительные силы для наступления, но только теоретически.

Парадоксально, но именно эти неправдоподобные данные помогли Ставке выработать и принять наиболее верное на тот момент решение о переходе к преднамеренной обороне, т.к. Генштаб положил их в основу своего анализа оперативной обстановки и соотношения сил под Курском, который 12 апреля 1943 г. был представлен И.В. Сталину. По это причине через относительно короткое время после совещания в Кремле командующие Центральным и Воронежским фронтами получили распоряжения считать первостепенной задачей войск в готовящейся оборонительной операции уничтожение вражеской бронетехники и всю систему обороны фронтов готовить в первую очередь как противотанковую. *«Мы хотели встретить ожидаемое наступление немецких войск мощными средствами обороны, – вспоминал Г.К. Жуков, – нанеся им поражение, и в первую очередь разбить танковые группировки противника»*⁸⁷.

Как тут не вспомнить ошибку советской разведки при оценке сил группировки Паулюса перед контрнаступлением в ноябре 1942 г. под Сталинградом. Хотя тогда просчитались не в два, как под Курском, а более чем в три раза – рассчитывали окружить 85 000-90 000, а в «кольце» оказалось 300 000⁸⁸!

В то же время упомянутая выше ошибочная развединформация о численности бронетехники имела и крайне отрицательное влияние на планирование Курской оборонительной операции. В конце апреля Ставка, опираясь на неё, приняла ещё одно, но ошибочное решение о том, что главный удар вермахт нанесёт по Центральному фронту, т.к. разведка считала, что именно на Орловской дуге сосредоточены его главные силы для захвата Курска и возможного последующего удара на Москву, в том числе и бронетанковые, из которых формировался ударный клин Моделя. Эти данные подтверждались нашими спецслужбами и в мае, и в июне. Например, в разведсводке штаба БТ и МВ РККА на 15 июня 1943 г. указывалось: *«Большинство танковых войск противника на 15.6.1943 г. находится перед Западным, Брянским, Центральным, Юго-Западным и Южным фронтами Красной армии в следующих ударных группировках:*

а) в районе Брянск – Орёл – Кромы сосредоточено шесть танковых дивизий (5, 9, 2, 12, 18, и 20 тд) с общей численностью танков до 1600.

б) в районе Белгород – Харьков – Богодухов сосредоточены семь-восемь танковых дивизий (6, 7, 11, «Адольф Гитлер», «Рейх», «Тотенкопф» («Мёртвая голова»), «В. Германия»

⁸³ Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. М.: Воениздат, 1968. С. 159.

⁸⁴ NARA USA. Т. 78. R.587. F.

⁸⁵ ЦАМО РФ. Ф. 62. Оп. 321. Д. 16. Л. 37.

⁸⁶ Замулин В.Н. Курский излом. Решающая битва Великой Отечественной. М.: ЯУЗА, ЭКСМО, 2008. С. 98.

⁸⁷ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т.3. М.: Новости, 1990. С. 23.

⁸⁸ Василевский А.М. Дело всей жизни. Т. 1. М.: Политиздат, 1987. С. 283.

и предположительно 4 тд) с общим количеством танков до 1100-1200»⁸⁹ (см. Приложение № 3).

В документе численность вражеских группировок штаб БТ и МВ фактически поменял местами. Согласно трофейным источникам, на 1 июня 1943 г. Модель располагал лишь 783 бронеединицами, из них танков – 420 (в том числе 31 «тигр») и штурмовых орудий – 363 (вместе с САУ ПТО «Фердинанд»). Всего же ГА «Центр» выделила для «Цитадели» 947 боевых машин. А по данным ряда западных исследователей, например Д. Гланца и Т. Йентца, в это время в ударной группировке Манштейна, нацеленной на Курск, находилось 1514 (1269/245)⁹⁰.

Впервые об этой ошибке стало известно из мемуаров Г.К. Жукова спустя несколько десятилетий после победы над Германией. Маршал хотя и довольно высоко оценил деятельность разведки в период подготовки к Курской битве, тем не менее признал: *«Ставка и Генеральный штаб считали, что наиболее сильную группировку противник создает в районе Орла для действий против Центрального фронта. На самом деле более сильной оказалась группировка против Воронежского фронта, где действовало 8 танковых дивизий (1500 танков). Против Центрального же фронта действовало 6 танковых дивизий (1200 танков). Этим в значительной степени и объясняется то, что Центральный фронт легче справился с отражением наступления противника; чем Воронежский фронт»*⁹¹. Дорого обошелся нам этот просчет. Его пришлось исправлять не только войсками Воронежского фронта, но и значительными силами СтепВО и резервами Юго-Западного фронта. Напомню, помимо всех войск и резервов Н.Ф. Ватутина Москва в период Курской оборонительной операции (8-11 июля) будет вынуждена дополнительно направить сюда две гвардейских армии и танковый корпус, которые примут участие в боях всем своим составом, а на завершающем этапе операции подтянуть и весь СтепВО.

К сожалению, данные (уже отобранные, «прошедшие фильтр»), поступавшие руководству НКГБ по линии его 4-го Управления (от партизан и оперативных групп, действовавших в тылу противника), были нередко противоречивыми, трудно поддающимися анализу. Чтобы было понятно, какого качества приходила информация даже после «отсева» её в 4-м Управлении, приведу выдержки из двух сообщений, представленных Управлением на имя заместителя наркома НКГБ Б.З. Кабулова в один день, 10 мая 1943 г. Первый документ: *«Из района Брянска. Показаниями перебежчиков из русско-немецкого батальона, действовавшего против партизан, устанавливается, что одной из основных задач противника на южной окраине Брянского леса является захват и восстановление железной дороги Хутор Михайловский – Унечи. Для этой цели туда прибыли и приступили к работе немецкие саперы. В процессе опроса выяснилось также, что немцы сняли с охраны Брянских лесов войсковые части и технику и концентрируют силы для решительного удара на Москву, Курск и в направлении Орла. Генеральное наступление ожидается в двадцатых числах мая»*⁹².

Второй документ: *«Из района г. Овруч, Житомирской области. Получены данные об усиленном передвижении войск противника из Гомеля в сторону Калинковичи и Мозырь... По словам местных жителей, войска едут на отдых с Курского и Брянского направлений. Среди солдат есть финны, русские, украинцы и немцы»*⁹³.

Если враг концентрирует силы для удара на Курск и даже снимает войсковые части с охраны лесов (хотя уже в середине мая начнется операция «Цыганский барон»), то почему его войска с курского и брянского направлений едут на отдых? Как минимум это значит: наступ-

⁸⁹ ЦАМО РФ. Ф. 38. Оп. 11353. Д. 199. Л. 248.

⁹⁰ Jentz T.L. Panzertruppen: The Complete Guide to the Creation & Combat Employment of Germany's Tank Force 1943-1945. 1996. Vol.2. S.82.

⁹¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М.: Новости, 1970. С. 475.

⁹² ЦАФСБ РФ. Ф.4. Оп.1. Д.473. Л. 137.

⁹³ ЦАФСБ РФ. Ф.4. Оп.1. Д.473. Л. 141.

ления в ближайшее время не будет, но в документе №2 указана его дата – примерно через 10 суток. Трудно поверить, чтобы за две недели до генерального наступления эшелонами с фронта ехали отпуски. Из документов сложно понять и то, где же будет направление главного удара противника. Данные о том, что он планирует наступать и на Москву, и на Курск, имели для советского командования 10 мая такое же значение, если бы НКГБ донес, что Германия хочет завоевать СССР. Но это, как говорится, полбеды, а вот что значит «в направлении Орла»? Ведь этот город находился в руках неприятеля, и если наступать в направлении на Орёл, это значит, германская армия должна была находиться на позициях советских войск. И такие документальные ребусы, поступавшие по каналам всех разведслужб, приходилось разгадывать каждый день и Лубянке, и Генштабу, и Ставке.

Безусловно, о неудовлетворительном состоянии разведслужб, особенно их кадрового потенциала, аналитических подразделений и низкой эффективности, Москва знала. Поэтому и появился приказ НКО СССР от 19 апреля 1943 г. о реформировании и совершенствовании их работы. Но ещё до этого момента, в связи с отсутствием полных и достоверных данных о замысле врага, Ставка принимает меры для повышения качества и разнообразия развединформацию по данной проблематике. 3 апреля И.В. Сталин подписал директиву руководству военных разведорганов, прежде всего фронтовых, в которой были поставлены задачи *«постоянно следить за всеми изменениями в группировке противника и своевременно определять направления, на которых он проводит сосредоточение войск, и особенно танковых частей»*⁹⁴.

К сожалению, до начала Курской битвы разведорганы действующей армии так и не смогли стать для командования эффективным средством получения качественной информации о неприятеле. В их донесениях сохранялась тенденция к завышению его сил, они по-прежнему фиксировали сотни танков там, где их не было, выявляли несуществующие армии и корпуса, при этом не замечали мощнейшие группировки перед собственными рубежами. К концу 1943 г. ситуация начнет меняться, но не кардинально, вплоть до Победы разведслужба продолжит оставаться одним из самых проблемных участков в войсках. После войны эти, как и многие другие, проблемы Красной Армии замалчивались, а широкой аудитории представлялись далекие от реальности киноленты, исполненные в жанре детектива, в которых наши «бойцы невидимого фронта» всегда успешно обыгрывают гитлеровцев и похищают самые важные их секреты. В подобном же ключе готовились и изданные за последние 70 лет миллионными тиражами художественные произведения и военно-исторические труды. Всё это в комплексе сформировало в общественном сознании искаженное представление как о самом характере тяжелого, опасного труда разведчика, так и о вкладе спецслужб в разгром врага в минувшей войне, в том числе и в победу под Курском. Следует признать, что и сегодня, несмотря на определенные положительные изменения, произошедшие в исторической науке, честная и подробная оценка результатов деятельности советской разведки в годы Великой Отечественной войны ещё не дана.

Но донесения спецслужб были лишь частью информационной базы, которую использовала Ставка при выработке плана на летнюю кампанию. Второй важный блок данных о противнике и его замысле аккумулировался и одновременно генерировался интеллектом ключевых фигур военного-политического руководства страны, прежде всего Г.К. Жукова, А.М. Василевского, А.И. Антонова, а также командованием фронтов. Впитывая собственные впечатления, получаемые непосредственно в ходе боевых действий, управления войсками, допросов пленных и опираясь на личный опыт и интуицию, они приходили к тем же оценкам и выводам, что и доносила разведка: немцы интенсивно готовятся к наступлению, и оно начнётся в районе Курской дуги сразу после завершения распутицы.

⁹⁴ Павлов А.Г. Советская разведка в 1941-1945 гг.//Новая и Новейшая история./1995. №2. С. 35.

Таким образом, информация спецслужб по этой проблематике, поступившая перед совещанием 12 апреля 1943 г., хотя и была довольно разнообразна и интересна, но самостоятельного, решающего значения для Ставки не имела, т.к. разведка не смогла сообщить что-то ранее неизвестное о намерениях врага. Донесения из Берна не вызывали доверия по вполне объективным причинам, а агентурная сеть НКГБ, на которую Кремль возлагал большие надежды, в этот момент ещё не смогла получить необходимую информацию. Тем не менее не следует ставить крест на результатах, безусловно, героического труда сотен людей, каждый день рискувавших своей жизнью для победы над общим врагом. Главным итогом деятельности разведки явились данные, которые подтверждали точку зрения ключевых фигур Ставки и Генштаба, уже до того сформировавшуюся на основе проведённого ими анализа обстановки к концу марта-началу апреля 1943 г., их личных наблюдений, впечатлений и интуиции. Для людей, принимающих решения, за которыми следуют столь масштабные события, каковой явилась оборона Курской дуги, возможность опереться на другие источники, сопоставить свои оценки с иными, независимыми данными крайне важны. Поэтому-то и информация разведки, даже не всегда точная, ценится высоко.

Как свидетельствуют результаты совещания в Кремле, его участники учитывали, что враг опытен и коварен, а следовательно, ошибки не исключены. Поэтому решение о переходе к временной обороне – подчеркну – было предварительным и в дальнейшем при изменении обстановки могло меняться. Кроме того, данные разведки, даже те, что в тот момент казались надёжными, вновь были подвергнуты перепроверке путём постановки всем разведорганам повторных задач на первоочередной сбор информации о планах немцев на район Курска.

Недавно в Интернете появилось сообщение о том, что 12 апреля 1943 г. на стол И.В. Сталину лёг ещё не подписанный Гитлером оперативный приказ № 6, который якобы добыли агенты «Доры». Допускаю, что этот крайне важный документ могла получить советская разведка, но до сегодняшнего дня в России это донесение не опубликовано, в западных источниках мне также эти данные не встречались, да и информация в Сети приводится без ссылки на первоисточник⁹⁵. Поэтому использовать её для нашего анализа считаю нецелесообразным.

После совещания в Кремле сообщения о подготовке немцев к наступлению продолжали систематически поступать от зарубежной агентуры военной разведки. Причём теперь они были более подробными и конкретными, а их источником становится также и наш военный атташе в Лондоне генерал-майора И. Склярова («Брион»), и аналитик британского центра дешифровки Д. Кернкросс (советский агент «Мольер», один из знаменитой «Кембриджской пятёрки»), действовавший по линии НКГБ. Вот лишь две радиограммы «Бриона», полученные начальником РУ ГШ РККА в один день, 16 апреля: *«Принимая во внимание все полученные сообщения, можно предполагать, что ОКВ пришёл к решению, что при настоящей стратегической ситуации есть возможность начать новое большое наступление на Востоке. Основанием для такого решения ОКВ, с одной стороны, является предположение, что вторжение союзников на Запад в этом году вероятно, но действия союзников против Сицилии и Южной Италии или Крита и Греции не смогут отвлечь главные силы Германии. С другой стороны, у ОКВ имеется мнение, что в настоящее время Красная Армия оперирует силами зимнего периода и что у ОКВ имеются последние шансы добиться успеха на Востоке в этом году...»*

*Концентрация немецких сил в районе Белгорода и Орла доказывает, что немцы хотят использовать этот сектор для манёвра, общее направление которого должно привести примерно в район Воронежа. Это предполагаемое направление наступления привело бы немецкие армии в район Москвы против ядра Советской Армии. Кавказский фронт должен отойти на задний план...»*⁹⁶.

⁹⁵ [ru.wikipedia.org/wiki/Курская битва](http://ru.wikipedia.org/wiki/Курская_битва).

⁹⁶ Лота В. Без права на ошибку. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 89.

Во второй радиограмме не только подтверждались уже известные намерения Берлина, но и сообщалось название наступательной операции – «Цитадель», а также правдивые данные о конкретных соединениях, которые немцы планировали привлечь для её реализации: *«14 апреля перехвачен приказ германским ВВС восточного командования (ВВС, оперирующие в секторе примерно от Смоленска до Курска, где, возможно, базируются соединения 8-го корпуса ВВС), в котором указывается, что передовые подразделения для операции «Citadella» начнут немедленно движение. 8-й воздушный корпус включен в эту операцию, и указанные передовые части выдвигаются из Германии. По имеющимся данным, в британской разведке считают, что эта операция может быть ядром будущего наступления немцев в районе Курского выступа...»⁹⁷.*

Однако наиболее важным для подтверждения принятых решений, а главное, вызывающим особое доверие советской стороны документом стала расшифрованная англичанами с помощью прототипа немецкой шифровальной машины «Энигма» радиограмма, направленная 25 апреля 1943 г. из штаба ГА «Юг» в адрес ОКХ. Это документ был добыт Д. Кернкроссом и оперативно передан резидентом НКГБ по спецсвязи в Москву. В нём исполняющий обязанности командующего группой фельдмаршала М. фон Вейхса⁹⁸ хотя и давал оценку лишь войскам Воронежского фронта в полосе намеченного наступления в рамках «Цитадели», тем не менее из документа становилось много понятно об общем замысле операции. 7 мая 1943 г. нарком госбезопасности В.Н. Меркулов направил его в ГКО. «Основная концентрация сил противника, которые, очевидно, были ещё некоторое время тому назад на северном фланге ГА «Юг», – отмечается в радиограмме, – может быть ясно определена в районе будущей операции: Курск – Суджа – Волчанск – Острогоск.

...Для противодействия осуществлению плана «Цитадель» противник располагает приблизительно 90 соединениями, находящимися к югу от линии Белгород – Курск – Мало-Архангельск. Наступление частей ГА «Юг» встретит упорное сопротивление в глубоко эшелонированной и хорошо подготовленной зоне с многочисленными зарытыми в землю танками, с артиллерийскими и местными резервами. Основные усилия обороны будут сосредоточены в главном секторе – Белгород – Томаровка...

В настоящее время трудно предугадать, попытается или нет противник избежать угрозы окружения путём отхода на восток, которая последует за прорывом основных участков на линии фронта: Курск – Белгород – Мало-Архангельск.

В заключение необходимо отметить, что события указывают скорее на оборонительные, чем на наступательные намерения противника. Это является совершенно безошибочным в отношении сектора фронта, занимаемого 6-й армией и 1-й бронетанковой армией. Можно предполагать, что в случае переброски подкреплений в район севернее фронта ГА «Юг» и началом продвижения стратегических резервов к линии фронта или их слияния в более крупные соединения наступательные действия противника станут более реальными, однако и при этом условии ему не удастся даже предупредить выполнение нами плана «Цитадель»⁹⁹.

⁹⁷ Там же. С. 90.

⁹⁸ Максимилиан фон Вейхс (правильное произношение – Вайкс), полное имя – Максимилиан Мария Йозеф Карл Габриэль Ламораль райхсфрейхерр фон унд цу Вайкс ан дер Глон) немецкий военачальник, генерал-фельдмаршал (1943 г.). Родился 12.11.1881 г. в Дессау. С 07.1942 г. командовал ГА «Б», наступавшей в направлении Воронежа. Вейхс широко использовал в наземных боях зенитную артиллерию, за что получил прозвище «зенитного генерала». Весной 1943 г. временно, по очереди с В. Моделем, замещал Э. фон Манштейна, убитого на лечение в Германию, а в 07.1943 г. назначен в резерв Главнокомандования, затем – командующим ГА «F» на Балканах. В 02.1945 г. награждён Дубовыми листьями к Рыцарскому кресту. 25.03.1945 г. вновь отправлен в резерв. 2.05.1945 г. пленён в Баварии войсками США. Подверглся допросам в ходе Нюрнбергского процесса, но тогда осуждён не был. В 1945-1948 гг. находился в американской тюрьме за военные преступления. Умер 27.09.1954 г. в Борнхайм (Рейнланд), под Бонном.

⁹⁹ Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 4. Кн. 1. М. 2008. С. 444, 445.

Не стоит обращать внимание на последние строчки, это или стремление убедить себя в том, во что сам не веришь, или просто бахвальство самоуверенного военачальника, но ни то, ни другое советскую сторону не интересовало. Для Москвы в этом документе важным было следующее. Во-первых, подтверждалось намерение немцев начать наступление в районе Курского выступа. При этом было очевидно: подготовка к нему прошла стадию согласования и план операции уже готов. Во-вторых, в документе указан вероятный район главного удара ГА «Юг». Причём, что очень важно, он совпадал с районом, который уже спрогнозировал Н.Ф. Ватутин. В-третьих, на первом этапе наступления немцы не собирались сразу осуществлять глубокого прорыва, как, например, летом 1942 г., речь пока шла о встречных концентрированных ударах войск двух групп армий вдоль линии Белгород – Курск – Мало-Архангельск (как, впрочем, оно и произошло). В-четвёртых, противник осведомлён, что Красная Армия основательно готовится к его наступлению именно на участке, намеченном для «Цитадели», но он не знает её реальных сил. В-пятых, командование ГА «Юг» внутренне не уверено в исходе намеченного наступления, оно предупреждает Берлин об ожидаемом ожесточенном сопротивлении русских. Оно понимает, что, если оборона не рухнет от первого удара и советское командование бросит сюда серьёзные резервы, тогда исход операции предугадать невозможно. Именно эта перспектива и заставила М. фон Вейхса писать в конце ободряющую трескотню.

Следует помнить, что этот документ, как и все разведсообщения, касающиеся «Цитадели», играл важную роль в определении лишь ближайших планов противника и не затрагивал, да и не мог затронуть проблем все летней кампании 1943 г., которая имела значительно больший масштаб, именно в ходе неё и произошёл коренной перелом в войне. А срыв «Цитадели» был лишь одним, хотя и очень важным, её элементом, т.к. ещё не означал достижения цели всей кампании. Поэтому встречающееся в литературе утверждение о том, что советская разведка, определив главный замысел этой операции и место её проведения, таким образом, решила проблему коренного перелома, не верно по сути.

Но вернёмся к цитируемому документу. Доверие к перехваченной радиограмме возросло после того, как в конце апреля из США (по линии ГРУ) и Англии (НКГБ) были получены новые данные, подтверждавшие подготовку Берлином крупного наступления. Первым, 29 апреля, из Лондона поступил документ – «Оценка возможных германских намерений и планов в русской летней кампании 1943 года», который был подготовлен специально для премьер-министра У. Черчилля. По свидетельству В. Лоты, который, судя по его книге, лично ознакомился с ним, это очень большой по объёму и широкий по диапазону анализируемых вопросов фолиант. По району Курска английские аналитики отметили, что в конце марта британской военной разведкой зафиксирована большая концентрация немецких *«бронедивизий к северо-востоку от Курска (Орловская дуга – З.В.), возможно, для наступательных действий, и, вероятно, немцы будут концентрировать силы для устранения Курского выступа. Это должно укоротить их линию фронта и вернуть им оборону, которую они удерживали в этом районе прошлой весной...»*¹⁰⁰. О том, что Германия в этом году способна лишь на наступление с ограниченными целями, ещё в середине апреля донёс генерал-майор И. Складов. По его данным, в конце марта состоялось расширенное совещание комитета, который ведал производством вооружения, под председательством Г. Геринга. На нём было приняты следующие решения:

- а. сохранить производство самолётов на уровне среднегодового за 1942 г.;
- б. производство артиллерийских орудий увеличить на 16%;
- в. сохранить число танковых дивизий и полностью обеспечить их техникой;
- г. увеличить производство транспорта, особенно паровозов, платформ и вагонов¹⁰¹.

¹⁰⁰ Лота В. Без права на ошибку. М.: Молодая гвардия, 2005. С. 29.

¹⁰¹ Там же. С. 26.

Всё это наглядно свидетельствовало, что промышленность Рейха работала на пределе и немцы стремятся хотя бы восполнить те огромные потери, которые они понесли в Сталинграде и на юго-западном направлении сразу после разгрома группировки Паулюса. Следовательно, о каком-либо масштабном наступлении, сравнимом с 1942 г., речь идти не могла.

Второе сообщение о том, что в США добыты важные данные по «Цитадели», пришло в Москву 30 апреля, хотя сама информация поступила позже, в первой декаде мая. Суть её была изложена в нескольких строках: «...*Немцы ставят задачей текущим летом не захватывать новых территорий, а уничтожение Красной Армии. Главный удар немцев в летней кампании будет из района Курск – Орёл в направлении на Воронеж...*»¹⁰².

Очевидно, что эти сведения схожи и с шифровкой М. фон Вейхса, и с сообщением начальника чешской разведки Ф. Моравца, которое он высказал ещё 10 апреля агенту НКГБ. Таким образом, к началу мая советская стратегическая разведка оперативно и в полном объёме подтвердила правильность решений, принятых Ставкой 12 апреля, и точность предположения командования Воронежского фронта о районе, где войсками Манштейна будет нанесён главный удар.

В дальнейшем, в мае-июне, и ГРУ, и НКГБ по данной проблематике работали тоже довольно успешно. Например, несмотря на то, что после трёх предупреждений разведки о вероятном переходе немцев в наступление в мае ничего не произошло, в спецсообщении информационного отдела 1-го Управления НКГБ от 27 мая была дана точная оценка поступившим разведданным и верный прогноз дальнейших шагов неприятеля:

«1. Сообщения о том, что германское командование никакого наступления в этом году не предпримет, не соответствуют действительности, показывающей усиленные приготовления к наступлению.

2. Сведения об ограниченном характере наступления являются правдоподобными, так как, по всем данным, Германия не располагает необходимыми стратегическими, людскими и материальными ресурсами для большого наступления в этом году.

*3. Данные... о подготовке крупной операции с целью прорыва в районе Курск-Белгород являются наиболее серьезными»*¹⁰³.

Тем не менее, развединформация продолжала оставаться хотя и необходимым, но тем не менее вспомогательным инструментом при принятии Москвой ключевых решений. Опираясь на фонды Воронежского и Центрального фронтов в ЦАМО РФ, можно утверждать: хотя информация, получаемая советским Верховным командованием, была вполне достаточна для понимания общих задач ударных группировок Манштейна и Клюге, важных деталей будущей операции Москва не знала. Следствием этого стал просчёт в определении участка нанесения главного удара в районе Курского выступа. Вместе с тем следует отметить, что поступавшие в мае-июне разведданные не смогли помочь оперативно решить ещё один важный вопрос: объяснить причины нескольких переносов начала «Цитадели». Это явилось причиной возникшей в это время в Ставке и штабе Воронежского фронта нервозности. Поэтому как в апреле, так и в последующие два месяца главную роль в сохранении выдержки и выбранного курса сыграл человеческий фактор – талант и интуиция ключевых фигур в высшем советском военном руководстве.

¹⁰² Там же. С. 43.

¹⁰³ «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки. М.: АО «Московские учебники и Картолитография», 2003. С. 268.

1.2. Подготовка к Курской битве: планирование, возведение полевой обороны, восстановление и пополнение войск

Совещание 12 апреля 1943 г. подвело итог первого, очень важного, этапа подготовки советским Верховным командованием и Курской битвы, и всей летней кампании. С 13 апреля начался второй этап, не менее ответственный и напряженный. Его характерной особенностью станет не только «война нервов» между Москвой и Берлином, но прежде всего колоссальная работа по созданию мощнейшей полевой системы обороны под Курском и сосредоточение здесь крупных войсковых группировок. Если в январе-апреле главным осложняющим фактором была стремительно менявшаяся оперативная обстановка на фронте, то в это время основными проблемами стали распутица и неясность намерений противника, которая с начала мая и переросла в «войну нервов».

Сразу после совещания в Кремле развернулась кропотливая работа Генштаба и представителей Ставки с командованием фронтов, удерживавших Центральное и Юго-Западное направления советско-германского фронта. При этом особо пристальное внимание Москва уделяла положению в южной части Курской дуги. Продвижение противника в полосе Воронежского фронта было окончательно приостановлено в двадцатых числах марта 1943 г. Линия фронта стабилизировалась по линии: Снагость, Бляхова, Алексеевка, совхоз им. Молотова, х. Волков, Битица, Ольшанка, Диброва, Глыбня по правому берегу р. Сыроватки до /иск/ Краснополье, /иск/ Ново-Дмитриевка, Высокий, Завертячий, Надежда, Новая жизнь, Трефиловка, Берёзовка, Триречное, Драгунское, Задельное, /иск/ Ближняя Игуменка, Старый город и далее по левому берегу р. Северный Донец до 1-е Советское.

Тревогу Ставки в первую очередь вызвали состояние войск Н.Ф. Ватутина и данные разведки, касавшиеся этого оперативного направления. Во-первых, по сравнению с Центральным фронтом его дивизии и корпуса в большей степени были истощены и обескровлены после Харьковской операции. Не в лучшем состоянии находились и соединения, переброшенные из Сталинграда, особенно 21 А, которая развернулась на главном танкоопасном (обоянском) направлении. В ход переговоров 29 марта с Н.Ф. Ватутиным И.М. Чистяков докладывал: *«Нуждаюсь в первую очередь в пополнении людским составом. Мой запасной полк ещё остаётся в Сталинграде и тот, по донесению, разбирают на пополнение хозяйства Жадова (кодовое название 66А генерал-лейтенанта А.С.Жадова. – З.В.). Пять моих заградительных отрядов там уже забрали.*

Исключительно неудовлетворительное материальное обеспечение, в особенности горючим и боеприпасами. Тов. Донцов (К.К. Рокоссовский, в подчинении которого 21А находилась до передачи Н.Ф. Ватутину. – З.В.), согласно приказу Ставки; с переходом меня к Вам обязан был обеспечить 15 сутдачами (суточными нормами. – З.В.) продовольствия и двумя боекомплектами боеприпасов, но не сделал этого. Горючее сейчас на исходе, сегодня имею 0 А заправки, а боеприпасов 0,7 боекомплекта. Ряд тыловых частей армии ещё под Сталинградом, требуется для (их переброски – З.В.) 19 эшелонов, их обещали давать со вчерашнего дня, но нет. Прошу содействия»¹⁰⁴. Сразу замечу: в отношении К.К. Рокоссовского это не упрек, просто командарм объясняет причину того, почему его войска оказались на голодном пайке. На тот момент Центральный фронт сам остро нуждался в помощи, в том числе и продовольствием, и транспортом для его доставки. Наглядный пример – отмечавшиеся в это время неоднократные случаи гибели солдат от голода в его 70А.

¹⁰⁴ ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 469. Л. 30.

2 апреля 1943 г. командарм-21 вновь ставит вопрос о пополнении: *«Приступил к формированию пяти батальонов ПТР. Представил Вам заявку на их вооружение, личным составом они укомплектованы. Мои ресурсы – 4200 человек вновь мобилизованных, местные жители совершенно не обучены, находятся во временном запасном полку. Обмундирование для них ещё не получил, выдают крохи. Один маршевский батальон 5 апреля 1943 г. смогу отправить в части (по сути, необученных людей. – З.В.). Вооружения для них, а также для соединений, которые я должен пополнить в первую, очередь нет.*

*Имеющееся у меня вооружение на складах по-прежнему под Сталинградом»*¹⁰⁵.

Советское командование ожидало в ближайшее время сильного удара танками от Харькова на Курск. Об этом прямо указано в приказе Н.Ф. Ватутина № 0093 от 31 марта 1943 г.¹⁰⁶. Поэтому И.М. Чистякову, кроме «родных» соединений, в кратчайший срок предстояло восстанавливать переданную ему на усиление 160 сд, сформировать две истребительно-противотанковых бригады и довести до боеспособного состояния четыре иптап, две ибр, три инжбат. Причём дивизия была полностью разбита, по сути, это был обескровленный стрелковый полк. На 25 марта в ней числилось всего 1768 человек, 1021 винтовка, 13 станковых и 11 ручных пулеметов, 160 ППШ, 24 миномета всех видов, 7 полевых орудий, 6 ПТР, 728 лошадей и 17 автомашин.

Но фронт сам испытывал острый дефицит ресурсов. Если потребности армии в легком стрелковом вооружении и обмундировании он в какой-то мере мог удовлетворить, то решить остальные вопросы был не в силах. Для наглядности приведу пример того как Н.Ф. Ватутин обеспечивал пополнение 21А живой силой и горючим. Он распорядился изъять 6000 человек, которые направлялись соседу И.М. Чистякову, в соединения 64А, в расчёте на то, что М.С.Шумилов, как более «богатый» и оборонявший не столь опасное направление, может подождать, когда из Сталинграда будут переброшены оставшиеся там силы и средства 21А. И при этом генерал армии без обиняков заявил командарму-21, что он знает, *«оно (пополнение. – З.В.) не покрывает всей вашей потребности»*, но на большее не рассчитывайте. Хотя тут же отметил, что *«относительно быстрой перевозки вашего основного запасного полка из Сталинграда и вашего вооружения я возбужу ходатайство перед Генеральным штабом»*¹⁰⁷. А когда И.М. Чистяков доложил ему, что 1440 сап, переданный армии, стоит в поле в нескольких десятках километров от места назначения «с сухими баками», Н.Ф. Ватутин лично распорядился выделить дизтопливо из крохотного резервов фронта. В начале апреля в таком состоянии находилась большая часть советских войск, оборонявших Курский выступ, в том числе и Центральный фронт.

Во-вторых, разведорганы продолжали доносить о сосредоточении против Рокоссовского и Ватутин значительных сил, до 16 танковых дивизий, уже укомплектованных техникой. Причём по мнению фронтовой разведки, наиболее сильная группировка располагалась именно в районе Белгорода и Харькова. На этот момент она оценивалась в 8 пехотных дивизий первой линии и 8 танковых с возможностью увеличения пехотных до 20, танковых – до 11 за счёт переброски с южного фланга группы Манштейна. Сегодня мы знаем, что эти данные были далеки от реальности, но тогда это было ещё не понятно. Тревогу усиливали и донесения стратегической разведки о готовящейся операции «Цитадель» в районе Курска. И.В. Сталин потребовал от А.М. Василевского дать распоряжение Военному совету Воронежского фронта: немедленно подготовить отчёт о восстановлении войск и его нуждах, после чего Н.Ф. Ватутин был вызван с докладом в Ставку¹⁰⁸.

¹⁰⁵ ЦАМО РФ. Ф.203. Оп.2843. Д. 469. Л. 33, 37.

¹⁰⁶ ЦАМО РФ. Ф.203. Оп. 2843. Д. 323. Л. 1.

¹⁰⁷ ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 469. Л. 38.

¹⁰⁸ Василевский А.М. Дело всей жизни. Т.2. М.: Политздат, 1988. С. 19.

21 апреля такой документ был представлен в Москву и после изучения в Генштабе стал предметом совещания в Кремле, проведенного через трое суток. В нём не только кратко и ёмко изложилась ход пополнения войск, подготовки обороны, давалась оценка противнику, его намерений, но и предлагался развернутый план упреждающей наступательной операции, целью которой должен был стать полный разгром немцев на Левобережной Украине и создание плацдарма на Днепре. Позже, во второй половине июля, командование фронта этот замысел предложит Ставке в качестве основы для разработки операции по разгрому белгородско-харьковской группировки, вошедшей в историю под названием «Полководец Румянцев», но И.В. Сталин его не поддержит, на мой взгляд по политическим соображениям. Хотя в той ситуации он был наиболее оптимальным относительно варианта, который будет реализован. *«В связи с некоторой задержкой поступления вооружения и обмундирования процесс перевооружения и переформирования армий первого эшелона будет завершен 25 апреля 1943 г., в 69А – к 5 мая 1943 г., – докладывал Военный совет. – К этому времени дивизии будут доведены до численности от 7000 до 8000 каждая. Танки для 2-го и 5-го гв. танковых корпусов уже частично получены, и их укомплектование будет закончено примерно к 25 апреля»¹⁰⁹. Предполагается, что все остальные танковые части фронта будут укомплектованы к 1 мая 1943 г., главным образом за счёт ремонта. Кроме того, 7-й отдельный стрелковый корпус, включенный в состав фронта; прибывает в новый район назначения. Его укомплектование будет завершено к 25 апреля 1943 г.*

В целом имеется всего 540 танков, 101 самолет-истребитель, 173 штурмовика, 170 дневных бомбардировщиков, 43 ночных бомбардировщика, в сумме 487 самолетов на 17 апреля 1943 г.

На период перевооружения и переформирования войска имеют задачу: прочно удерживать занятые позиции и не допускать любого вторжения противника. В случае наступления противника разгромить его в оборонительных боях и затем, выбрав подходящий момент, перейти в наступление и уничтожить его.

... Предлагаемые основания для обороны:

1. Создание глубокой обороны, в которой не только будет подготовлен ряд полос обороны, но они будут также заняты войсками. Это не позволит противнику провести оперативный прорыв.

2. Организация плотной противотанковой обороны на большую глубину; особенно на танкоопасных направлениях.

3. Организация надежной противотанковой обороны путём создания укрытия для боевых подразделений; маскировки и широкому использованию противовоздушных средств на важных направлениях.

4. Подготовка и проведение маневра как основа успеха обороны»¹¹⁰.

Поздним вечером 25 апреля этот документ, представленный Н.Ф. Ватутиным вместе с первым членом Военного совета Воронежского фронта генерал-лейтенантом Н.С. Хрущёвым, обсуждался в Кремле членами Ставки более четырех часов. В итоге было признано, что первая часть доклада, оперативный план обороны, отвечает требованиям директивных документов и в полной мере учитывает обстановку в полосе фронта, а восстановление войск проходит в основном по графику. Поэтому без существенных изменений его утвердили. Окончательной датой полной готовности фронта к обороне было назначено 10 мая¹¹¹.

¹⁰⁹ Предполагалось, что, согласно директиве Ставки ВГК 346091 от 30.03.1943 г. эти корпуса получают: 2 гв. тк к 5.04.1943 г. – 98 Т-34 и 70 Т-70, гв.тк к 10.04.1943 г. – 98 Т-34 и 68 Т-70. После чего к 7.04 и 10.04 соответственно их комплектование должно было завершиться. Но из-за несвоевременного подхода техники из резерва Ставки график был сдвинут до конца апреля.

¹¹⁰ Глани, Д., Хауз Д. Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. М.: Астрель, 2006. С. 390-392.

¹¹¹ ЦАМО РФ. Ф. 16-А. Оп. 1720. Д. 14. Л. 23.

Подробно анализировалось и предложение о переходе в наступление. Но с учётом уже принятого предварительного решения о преднамеренной обороне, а также из-за необходимости обсуждения этого вопроса с командованием Юго-Западного фронта, как одного из предлагаемых участников наступательной операции, Ставка признала целесообразным решение по второй части доклада отложить, чтобы его проработать более детально. Хотя командование фронтам получило приказ: подготовить войска к активным действиям до 1 июня. С 28 апреля на его усиление передавалась 1ТА генерал-лейтенанта М.Е. Катуква, которую пока планировалось использовать для наступления, и лишь потом, в конце мая, будет признано целесообразным использовать её в ходе оборонительных боёв, как для нанесения контрударов, так и в качестве «бронированного щита» за 6 гв. А. Стой же целью (подготовка к будущему наступлению) Ставка потребовала от Н.Ф. Ватутина до 20 мая вывести в резерв фронта 7 гв. А, которую, в случае наступления на Украину, предполагалось использовать вместе с 1ТА на направлении главного удара. Таким образом, Москва высоко оценила работу Военного совета фронта по подготовке к обороне и в то же время ясно дала понять, что, как отмечал С.М. Штеменко *«идея упреждающего удара всё ещё не отбрасывалась, но стояла на втором плане»*¹¹².

Начиная с 1960-х гг. в отечественной историографии активно обсуждалась и продолжает обсуждаться проблема «ошибки» при планировании обороны Воронежского фронта перед Курской битвой. В частных беседах и даже на официальных встречах общественности с генералами-ветеранами войны этот вопрос не раз подымался уже со второй половины 1950-х гг., хотя в открытой печати впервые был упомянут лишь в 1965 г., в книге «Великая Отечественная война 1941-1945. Краткая история»: *«Чем объясняется, что, имея к началу оборонительного сражения численное превосходство над врагом как в людях, так и в технике, Воронежский фронт не смог наличными силами измотать и обескровить ударную группировку противника и остановить её наступление без привлечения новых сил? В отличие от Центрального, командование Воронежского фронта не сумело точно определить, на каком направлении противник будет наносить главный удар. Оно рассредоточило усилия в полосе шириной 164 км, не массировало силы и средства на направлении главного удара врага»*.¹¹³

С такой оценкой не согласился непосредственный участник тех событий – Г.К. Жуков. В своей статье, опубликованной в «Военно-историческом журнале» в №9 за 1967 г., он достаточно взвешенно и вполне объективно оценил результаты боевой работы Воронежского фронта на первом этапе Курской битвы и отбросил утверждения, будто бы Н.Ф. Ватутин допустил ошибку при планировании системы обороны и распределении сил. *«Критика... командования Воронежского фронта построена на неточном подсчёте плотности сил и средств в специфических условиях оперативно-стратегической обстановки, – писал он, – ...не надо забывать, что по 6-й и 7-й гвардейским армиям Воронежского фронта противник в первый день нанес свой удар почти пятью корпусами (2-й танковый корпус СС, 3-й танковый корпус; 48-й танковый корпус, 52-й армейский корпус и часть корпус «Раус»), тогда как по обороне Центрального фронта – тремя корпусами. Легко понять разницу в силе ударов немецких войск с орловского направления и из района Белгорода»*¹¹⁴.

Однако уже в конце сентября 1967 г. на эту статью последовала неожиданно резкая реакция Маршала Советского Союза¹¹⁵ К.К. Рокоссовского. Причём не в открытой печати, а в письме его главному редактору В.А. Мацуленко. Не часто встретишь документ такой сильный по внутреннему эмоциональному накалу и в то же время далекий от исторической правды. Аргументы, приводимые К.К. Рокоссовским, идут вразрез с реальными событиями, о которых

¹¹² Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. М.: Воениздат, 1968. С. 154.

¹¹³ Великая Отечественная война 1941-1945. Краткая история. М.: Воениздат, 1965. С. 244.

¹¹⁴ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М.: Новosti, 1969. С. 490, 491.

¹¹⁵ Это звание К.К. Рокоссовскому будет присвоено 29. 06.1944 г.

уже тогда, в общем-то, было известно в нашей стране многим. *«Ударная группировка противника, действовавшая против Воронежского фронта, – писал он, – состояла из 14 дивизий, из коих было 5 пехотных, 8 танковых и одна моторизованная, а ударная группировка противника, действовавшая против Центрального фронта, состояла из 15 дивизий в составе 8 пехотных, 6 танковых и одной моторизованной. Таким образом, если группировка противника, действовавшая против Воронежского фронта, несколько превосходила по количеству танков, то группировка его, действовавшая против войск Центрального фронта, значительно превосходила по количеству пехоты и артиллерии.*

Более удачные действия войск Центрального фронта объясняются не количеством войск противника, а более правильным построением обороны»¹¹⁶.

Очень спорное утверждение. К.К. Рокоссовский, вероятно, запомнил, что к 5 июля 1943 г. его фронт, даже по оценке советских историков, имел на 2740 артминстволов больше¹¹⁷, чем

Воронежский, а ГА «Юг», действовавшая против войск Ватутина, располагала в 1,5 раза большим числом бронетехники, чем ударная группировка 9А, наступавшая южнее Орла. Всего же против Воронежского фронта действовало не 14 немецких дивизий, а 17. В то время как против его фронта враг бросил в полном составе лишь 15¹¹⁸. Причем их уровень укомплектованности был разный: на севере Курской дуги ниже, а на юге – выше. В доказательство этого приведу лишь два факта. Действовавшая на севере 10-я моторизованная дивизия не имела в своём составе танкового полка¹¹⁹, в находившейся в ГА «Юг» мд «Великая Германия» танковый полк был и к началу боёв имел в строю 112 танков¹²⁰. Кроме того, в составе ударной группировки севернее Белгорода помимо танковых и моторизованных дивизий находилась 10-я танковая бригада, которая по численности бронетехники была сравнима с двумя танковыми дивизиями и располагала более 200 новыми боевыми машинами Pz.VI «Пантера»¹²¹.

Аргументы сторон, их точки зрения, приводившиеся факты стали ценнейшим источником информации для историков. Хотя, к сожалению, в полном объёме до специалистов и широкой общественности в 1960-е гг. они не дошли. «Компетентные органы» были не заинтересованы, чтобы этот спор двух уважаемых в стране полководцев вышел на широкую аудиторию, и, не вникая в суть дела, постарались его погасить, а на все документы, в том числе и письма¹²², в лучшем случае лёг гриф «Для служебного пользования». Хотя, как ни странно, из мемуаров обоих маршалов вымарали не все. В результате читателю была представлена возможность узнать позицию К.К. Рокоссовского, которую он впоследствии подробно изложил в своих мемуарах, а разобраться в предложенной Г.К. Жукова оценке тех событий возможности не было. Так в общественном сознании закрепилось мнение о якобы «ошибке Ватутина», допущенной при подготовке к Курской битве. Недавно рассекреченные оперативные и отчётные документы обоих фронтов за 1943 г., хранящиеся в ЦАМО РФ, позволяют проанализировать эту проблему детально, с привлечением документов, ранее известных лишь узкому кругу лиц высшего командного звена Красной Армии.

Итак, при выработке замысла Курской оборонительной операции, работа над которой началась с середины апреля 1943 г., Н.Ф. Ватутину предстояло решить несколько важных и вместе с тем крайне сложных задач:

¹¹⁶ Военно-исторический журнал// 1992. №3. С. 31

¹¹⁷ История Второй мировой войны 1939-1945. Т.7. М.: Воениздат, 1976.

¹¹⁸ NARA USA. T.314. R.988. F.000148-000155; T.314. R.988. F.000148-000155.

¹¹⁹ NARA USA. T.315. R.556. F.000138.

¹²⁰ NARA USA. T.313. R.368. F.8654350.

¹²¹ NARA USA. T.313. R.368. F.8654350.

¹²² Письмо К.К. Рокоссовского впервые было опубликовано лишь в марте 1992 г.

– определить наиболее вероятные направления главного и вспомогательного ударов противника;

– подготовить план действий войск фронта с целью безусловного решения задачи Ставки ВГК: остановить неприятеля не далее тактической полосы;

– разработать принципиальную схему сосредоточения сил и возведения оборонительных рубежей для блокирования вражеского наступления.

Все эти вопросы стояли и перед его соседом, К.К. Рокоссовским, но Н.Ф. Ватутин изначально оказался в более трудном положении. Чтобы удержать войска ГА «Юг» в тактической зоне, необходимо было создать в ней высокую плотность¹²³ сил и средств. А именно этого ему и не хватало. В полосе Центрального фронта было лишь три вероятных направления на участке протяженностью 95 км (или 31% полосы его обороны), где враг, перейдя в наступление, мог создать серьёзную угрозу, и 40 км, где он, вероятнее всего, мог нанести главный удар. А на юге Курской дуги неприятель был в состоянии использовать не менее четырёх направлений на участке до 170 км (или 69,4% полосы фронта), причем главный удар мог быть нанесен на участке протяженностью в 3 раза больше, в 111 км. При этом оба командующих получали примерно одинаковое количество войск и тяжелого вооружения: на 5 июля 1943 г. общая численность боевого состава Центрального фронта составила 467 179¹²⁴ военнослужащих при протяженности полосы обороны 306 км, т.е. 1526 человек на погонный км, а Воронежский – соответственно 417 451¹²⁵, 245 км, 1703. Поэтому цена ошибки в прогнозе Ватутина была значительно выше, чем Рокоссовского. Это заставляло его более тщательно и творчески подходить к планированию, в полном объёме использовать все возможности для укрепления рубежей своих войск.

Не располагая силами и средствами для создания высокой тактической плотности на всех вероятных направлениях удара неприятеля, не лишившись своих резервов, Н.Ф. Ватутин решил усиливать устойчивость обороны за счёт повышения оперативной плотности¹²⁶, т.е. увеличения её глубины в центре и на левом фланге фронта. Разработанный им план обороны был сложным и многоуровневым. Он имел не одну, а как минимум две первостепенных задачи:

а. остановить и обескровить противника в тактической зоне на мощных армейских полосах (изначально от войск требовалось задержать немцев на первых двух);

б. подготовить благоприятные условия (прежде всего создать удобный плацдарм) для развертывания ударных сил с целью перехода в контрнаступление на Харьков и далее к Днепру.

За точку отсчёта генерал армии принял два на тот момент очевидных обстоятельства. Во-первых, главной целью первого этапа наступления неприятеля должен стать прорыв к Курску, самому крупному городу и административному центру в районе дуги. В докладе И.В. Сталину от 21 апреля 1943 г. он писал: «...Противник... нанесёт концентрические удары на северо-восток из района Борисовка-Белгород и на юго-восток из района Орла, чтобы окружить наши войска, расположенные западнее линии Белгород-Курск... Против Воронежского фронта предпримет главный удар из района Борисовка-Белгород в направлении на Старый Оскол и частью сил на Обоянь и Курск. Вспомогательные удары можно ожидать... на Волчанок; Новый Оскол и Суджа, Обоянь, Курск».¹²⁷ Это предположение оказалось на удивление

¹²³ *Тактическая плотность* – насыщенность определенного участка фронта войсками и боевой техникой, выражаемая количеством батальонов, танков, орудий и других видов боевой техники, проходящих на 1 км фронта. (Краткий словарь оперативно-тактических и общевоинских терминов. М.: Воениздат, 1958).

¹²⁴ ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 426. Л.6/н.

¹²⁵ ЦАМО РФ. Ф. 62. Оп. 321. Д. 138. Л.6/н.

¹²⁶ *Оперативная плотность* — средняя плотность группировки войск на определенном операционном направлении (или в пределах оперативного объединения). (Краткий словарь оперативно-тактических и общевоинских терминов. М.: Воениздат, 1958).

¹²⁷ *Глади, Д., Хауз Д.* Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. М.: АСТ, 2006. С. 389.

точным. Напомню, в приказе № 6 от 15 апреля 1943 г. будет указано: «ГА «Юг» сосредоточенными силами наносит удар с рубежа Белгород-Томаровка, прорывает фронт Прилипы-Обоянь, соединяется у Курска и восточнее его с наступающей армией ГА «Центр». Для обеспечения прикрытия наступления с востока как можно быстрее достичь рубежа Нежигаль – р. Короча – Скородное – Тим»¹²⁸. Как известно, Томаровка расположена рядом с Борисовкой, а реки Нежигаль, Короча и село Скородное находятся именно на старооскольском направлении. Следовательно, исходя из боевого построения Воронежского фронта, удары главной группировки (т.е. сил, создающих и внешний, и внутренний фронт окружения) можно было ожидать по его центру и левому флангу, а конкретно по обороне 40А (вспомогательный, для отвлечения сил обороняющихся), в стык 40 А и 6 гв. А, по 6 гв. и в стык с 7 гв. А (главный), а также в стык Воронежского и Юго-Западного фронтов (вспомогательный). Кстати, на последнем варианте вплоть до начала битвы будет настаивать Г.К. Жуков.

Во-вторых, выполнить этот замысел под силу только мощной танковой группировке. К.С. Москаленко вспоминал: «Ватутин... не однажды напоминал, что войсками группы армий «Юг» командовал Маништейн, опытный и хитрый враг. Николай Федорович рассказывал, что в ходе войны дважды сталкивался с ним: первый – на Северо-Западном фронте в 1941 г., а второй – на Юго-Западном в январе-марте 1943 г. Оба раза Маништейн применял один и тот же прием – танковый прорыв. Казалось маловероятным, что он применит его и на этот раз, но Ватутин требовал, чтобы войска были готовы к отражению танков»¹²⁹.

Наиболее удобными для массового применения бронетехники являлись лишь три участка:

- вдоль дороги Белгород – Обоянь (обоянское шоссе);
- по линии Белгород – Яковлево – Прохоровка – Марьино;
- междуречье Северского Донца и Разумной от Белгорода в общем направлении на г. Короча и далее на с. Скородное.

Причём два из них располагались в полосе обороны 6 гв. А, штаб которой так характеризовал район, где развернулись её войска: «По характеру естественных препятствий, имевшихся на местности перед передним краем армии; насчитывалось 28 км труднопроходимой для танков (противника. – З.В.) местности, 13 танкоопасных (для советской стороны. – З.В.) направлений шириной от 0,5 до 5 км с общим фронтом 38 км. ... Из 13 танкоопасных направлений – 4 считались главными, имевшими общий фронт до 20 км... Это давало возможность противнику двинуть до 2000 танков одновременно, без учёта эшелонирования»¹³⁰.

Для сравнения: как уже отмечалось, план наступления на Курск ГА «Юг» кардинально менялся дважды. До майской встречи Гота с Маништейна в Богодухово наступать 4ТА предполагалось из района Томаровка – Белгород строго на Обоянь, а АГ «Кемпф» – одновременно от Белгорода черед Прохоровку и Корочу на Скородное. После изменения плана армия Гота должна была действовать по линии Томаровка – Яковлево – Прохоровка – Курск, а войска Кемпфа – Белгород — г. Короча-Скородное. Таким образом, в обоих случаях командование противника задействовало все три главных танкопроходимых «коридора», которые Н.Ф. Ватутин считал самыми опасными и вероятными для прорыва главной группировки противника¹³¹. Надо отметить, что генерал армии сразу (в апреле) с высокой точностью рассчитал ожидаемую численность немецкой танковой группировки, которая будет прорывать полосу его фронта. «... Следует ожидать, что противник сможет создать ударную группировку силою до 10 танковых дивизий и не менее шести пехотных, – отмечал Николай Фёдорович, – всего до 1500

¹²⁸ Курская битва/под ред. И.В. Пароткина. М.: Наука, 1970. С. 521.

¹²⁹ Курская битва/под ред. И.В. Пароткина. М.: Наука, 1970. С. 106.

¹³⁰ ЦАМО РФ. Ф. 335. Оп. 5113. Д. 235. Л. 12.

¹³¹ Глази, Д., Хауз Д. Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. М.: АСТ, 2006. С. 389.

танков, сосредоточения которых следует ожидать в районе Борисовка – Белгород – Муром – Казачья Лопань»¹³². На основе данных разведки предполагалось, что эти силы должны быть собраны в начале мая, когда закончится распутица и враг будет готов к наступлению. Напомним, что для реализации «Цитадели» в оперативном приказе № 6 от 15 апреля 1943 г. ГА «Юг» выделялись 7 пехотных, 9 танковых и моторизованных дивизий. В действительности же во время июльского наступления здесь будет введено в бой всего 9 танковых дивизий и 1508 бронеединиц¹³³, основная часть которых прибыла в его войска уже в мае.

Отталкиваясь от этих двух «опорных точек», Н.Ф. Ватутин предположил, что, вероятнее всего, ГА «Юг» попытается протаранить танковыми клиньями при поддержке больших сил авиации рубеж 6 гв. А генерал-лейтенанта И.М. Чистякова: /иск/Трефиловка – Восход – южная опушка леса юго-западнее Черкасское – южная окраина Триреченое – лог Задельный – лог Лапин – южная окраина Берёзов – Гремучий – Ерик – Шопино – выс. 211.6 – роща восточнее Дома инвалидов – Черная Поляна¹³⁴ (65 км, главный удар) и 7 гв. А генерал-лейтенанта М.С. Шумилова: Шишино – Старый Город – ИТК – Безлюдовка – Волчанск/иск/¹³⁵ (53 км, вспомогательный). Следовательно, ширина участка, где можно ожидать главный удар, составляла примерно 118 км, или 48,2% полосы обороны по начертанию переднего края.

Исходя из этого, он разработал следующую схему распределения сил фронта. Основные усилия предлагалось направить на укрепление левого фланга и центра (протяженность 170 км), чтобы перекрыть наиболее опасные направления для ударов главных сил ГА «Юг». Уже на шестой день после вступления в должность командующего Воронежским фронтом в приказе №0093 от 31 марта он чётко обозначил этот участок как, на его взгляд, наиболее проблемный и меры по его укреплению: *«В целях более успешного выполнения поставленных перед фронтом задач и более плотного занятия обороны я решил: путём перегруппировок усилить левый фланг фронта и особенно прочно занять направления Белгород, Обоянь; Белгород, Короча; Волчанок, Новый Оскол. Создать большую глубину обороны, для чего занять войсками не только главную оборонительную полосу, но также промежуточные и тыловые рубежи и иметь сильные ударные группы для производства контрударов и перехода в контрнаступление»*¹³⁶.

Сюда в первый эшелон предполагалось выдвинуть три общевойсковые армии (40, 6 гв. и 7 гв. А). Они должны были оборудовать первые две армейских полосы, заполнение войсками этих полос командующий считал важнейшим фактором для предотвращения оперативного прорыва¹³⁷. На третьей полосе (в тылу) 6 гв. и 7 гв. А (на прохоровском и корочанском направлениях) планировалось развернуть 69А, а за ней на первом фронтовом рубеже (по линии Кривошеевка – Столбище) – 35 гв.ск. Это был первый апрельский вариант, во второй половине мая, получив 1ТА, а также более точно определившись с планами противника, с одобрения Генштаба, Н.Ф. Ватутин во втором эшелон 6 гв. А (наряду с другими силами) запланирует выдвижение для занятия отдельных участков обороны на обоянском направлении сил 1ТА, на прохоровское – 5 гв.стк, а в полосу 7 гв. А – 2 гв. ттк.

Кроме того, в центр и левое крыло фронта (армии Чистякова, Шумилова и Крюченкина) изначально предполагалось нацелить все подвижные (2 гв.ттк, 5 гв.стк, 1ТА) и большую часть артиллерийских противотанковых резервов (иптап и ипатбр), которыми располагал фронт (**подробнее см. таблицу №1**). В результате из 35 стрелковых дивизий, которые под-

¹³² Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 3. М.: АПН, 1990. С. 20.

¹³³ Zetterling IV., Frankson A. Kursk 1943: a statistical analysis. London, 2000. Tab.3.8. P.32.

¹³⁴ ЦАМО РФ. Ф.335. Оп.5113. Д. 235. Л. 6.

¹³⁵ ЦАМО РФ. Ф.203. Оп.2843. Д. 386. Л. 2.

¹³⁶ ЦАМО. Ф.203. Оп. 2843. Д. 323. Л. 1.

¹³⁷ Глази, Д., Хауз Д. Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. М.: АСТ, 2006. С. 391.

чинялись Н.Ф. Ватутину, 22 он намечал сосредоточить на обоянско-прохоровском и корочанском направлениях. В результате по всему фронту на одну дивизию в среднем должно было приходиться 10 км, а на направлении главного удара – 5,2 км. Кроме того, армиям Чистякова и Шумилова фронт должен был передать:

- 44 артиллерийских полка усиления, в том числе и иптап, из 70 имевшихся в его составе, или 68%;

- 50% из 6 танковых бригад НПП и 10 танковых полков НПП;

- 8 минометных полков «катюш» из 11 находившихся во фронте, или 73%¹³⁸.

Таким образом, для удержания наиболее ответственных направлений планировалось выдвинуть 63% стрелковых дивизий, от 50 до 73% танковых и артминсредств, занять войсками армий первого стратегического эшелона и резервами фронта четыре оборонительных рубежа на глубину до 60 км (т.е. от первой траншеи главной армейской полосы до последней траншеи первого фронтового рубежа). Столь значительное расстояние определялось сложным рельефом местности. Интервал даже между одними и теми же армейскими полосами (межполосье), но на разных направлениях, существенно колебался (как правило, в плюс). Из-за этого в центре и на правом фланге фронта были запланированы (и потом возведены) промежуточные рубежи. Они стали одной из особенностей системы полевой обороны на юге Курского выступа, т.к. на севере необходимости в них не было.

По такому же пути пойдёт и Центральный фронт, но тактическая плотность здесь окажется выше. К.К. Рокоссовский передаст в подчинение 13А генерал-лейтенанта Н.П. Пухова, удерживавшей вероятное направление главного удара, колоссальные силы и средства, сюда же будут нацелены и его основные резервы. Войска Пухова займут тоже четыре оборонительных полосы (три армейских и первый фронтовой рубеж). Но по условиям местности расстояние между ними будет меньше, чем между такими же полосами на Воронежском фронте, примерно в два раза. Поэтому глубина обороны на направлении вероятного удара здесь будет не 60 км, а 30. Однако за счёт узкого фронта обороны 13А (32 км) и огромных сил, сконцентрированных в руках её командующего (12 дивизий), она будет иметь очень высокую тактическую плотность, в среднем 2,7 км на одну стрелковую дивизию, т.е. в 2 раза выше, чем на основных направлениях в полосе Воронежского фронта. И главное, на первых двух полосах будут развернуты силы 4 акп РГК (более 2000 орудий и минометов), именно за счёт этого здесь будет достигнута беспрецедентная плотность артиллерийских средств, к уровню которой Воронежский фронт даже не сможет приблизиться. Именно артиллерия станет фундаментом обороны пехоты 13А и позволит здесь советской стороне довольно быстро, относительно юга Курской дуги, сорвать вражеское наступление. *«На угрожающем участке, – пишет К.К. Рокоссовский, – где, зная тактику немцев, мы ожидали нанесения главного удара противника на фронте шириной 95 км, было сосредоточено 58% стрелковых, и 70% артиллерии, и 87% танков, и САУ... Второй эшелон и фронтовые резервы также были расположены на направлении вероятного наступления основной группировки противника»*¹³⁹.

Впервые большие возможности Рокоссовского в части артиллерии, чем Ватутина, отметили Г.А. Колтунов и Б.Г. Соловьев еще в 1970 г. *«Оперативные артиллерийские плотности на обоих фронтах были равными, – писали они. – Однако возможность сопротивления первым массированным ударам противника на Центральном фронте была больше, чем на Воронежском. Объясняется это тем, что Центральный фронт имел на 2140 орудий и минометов больше, чем Воронежский»*¹⁴⁰. Однако этот важнейший фактор не получил широ-

¹³⁸ Битва под Курском. От обороны к наступлению. М.: АСТ: Хранитель, 2006. С. 48.

¹³⁹ Военно-исторический журнал//1992. №3. С. 31.

¹⁴⁰ Колтунов Г.А., Соловьев Б.Г. Курская битва. М.: Воениздат, 1970. С.66.

кой известности, поэтому не часто используется отечественными исследователями при анализе результатов Курской битвы.

Таким образом, оба командующих фронтами использовали один и тот же принцип построения обороны на вероятном направлении главного удара противника, но разные средства: К.К. Рокоссовский, имея коридор для возможного удара противника уже, чем на юге, создавал её глубину лишь за счёт 13А, «армировав» её первый эшелон 4 акп РГК, а Н.Ф. Ватутин был вынужден дополнить войска 6 гв. и 7 гв. А корпусами 1ТА и фронтовыми резервами. Массировать стрелковые соединения в полосе 6 гв. А (например, за счёт 40А) без наличия такого артиллерийского «кулака», каким являлся 4 акп РГК при наличии опасности удара противника по нескольким направлениям, не рискнул и с ним, вероятно, согласилась Москва. Да иначе и не могло быть, ведь всё планирование шло под контролем единого центра – Генерального штаба, и все принципиальные вопросы решались там. И лишь после его одобрения руководство фронтами имело право предложить Ставке свой план обороны.

Тем не менее после войны в спорах о том, кто лучше воевал под Курском, К.К. Рокоссовский использовал именно различие в средствах с целью доказать, что он и его штаб, создав «суперармию» Пухова, силами которой практически перекрывались все три возможных направления главного удара 9А, поступил правильно, а Н.Ф. Ватутин, привлекая свои резервы для создания оперативной плотности, якобы поступил опрометчиво, т.к. распылил силы по всему 170-км участку и не создал необходимой плотности там, где враг действительно ударил. Но при этом он умолчал, что сделать на Воронежском фронте то, что удалось ему, было невозможно по объективным причинам. *«Правильное определение наиболее опасного для войск фронта направления наступления противника, – настаивал К.К. Рокоссовский, – соответствующая этому группировка войск, маневр силами и средствами в процессе сражения явились основными факторами более успешных действий войск Центрального фронта, чем Воронежского, где основные – главные силы этого фронта располагались равномерно на всём этом участке»¹⁴¹*. То есть, по мнению К.К. Рокоссовского, Н.Ф. Ватутин должен был часть сил 69А и 35 гв.ск выдвинуть с фронтового рубежа на армейские, в затылок армий первого эшелона, чтобы создать высокую тактическую плотность. Это должно было остановить врага уже на расстоянии 10-15 км, как произошло в ходе битвы на севере Курской дуги.

Но такой подход не приемлем для ситуации, сложившейся на Воронежском фронте, т.к. здесь действовала более сильная группировка врага, чем перед Центральным фронтом, а артиллерии у К.К. Рокоссовского было значительно больше, чем у Н.Ф. Ватутина. Непонятно, почему при подсчёте плотности обороны¹⁴² в полосе 13А её дивизии, перекрывавшие все три направления и находившиеся на всех четырех рубежах (на трёх армейских и фронтовом), по мнению К.К. Рокоссовского, следует учитывать, а при ведении таких же подсчетов в полосе Воронежского фронта войска 69А и 35 гв.ск надо исключить, хотя они, как и дивизии Пухова, занимали армейскую тыловую полосу и первый фронтовой рубеж, перекрывая главное направление удара врага – обоянское и корочанское.

Безусловно, формально свои резервы командующий Воронежским фронтом использовал не по прямому назначению. Существовало правило: если это «чистые» резервы, то они не должны жестко «привязываться» к конкретным участкам обороны, т.к. в любое время могли понадобиться для локализации прорыва или усиления опасного направления. Однако война требовала творческого подхода к оперативному искусству, да к тому же для такого решения были веские причины. Во-первых, Ставка ВГК выделила Воронежскому фронту, по меркам того времени, огромные резервы не случайно, а из-за большего, чем на Центральном, числа

¹⁴¹ Военно-исторический журнал//1992. №3. С.31.

¹⁴² Плотность обороны – степень насыщенности обороны войсками и боевой техникой. При её определении различают тактическую и оперативную плотность.

танкоопасных направлений в его полосе. Во-вторых, право предлагать, как ими распорядиться, имел именно командующий фронтом, и он благоразумно решил, что создавать высокую тактическую плотность силами 69А и 35 гв.ск на наиболее ответственных направлениях не оправдано, т.к. при необходимости в ходе боёв их оттуда оперативно снять будет невозможно. Он считал, что более эффективно использовать их для создания именно оперативной плотности (т.е., повторюсь, стремиться к глубине обороны). Здесь они могли играть двоякую роль: и удерживать занятый рубеж в случае прорыва противника к их позициям, и в то же время их можно было быстро перебросить на другие участки, ведь это был второй стратегический эшелон фронта, войска которого, по расчетам, сразу не должны были вступить в бой.

Мотивы предложений генерала армии станут более понятны, если учесть важную деталь: в момент, когда разрабатывался этот вариант, Москва ещё не решила, будет она в ходе летней кампании наступать или обороняться. До конца апреля, помимо 69А и 35 гв. ск, в распоряжении Н.Ф. Ватутина находились лишь два подвижных соединения – 2 гв. и 5 гв.тк, их можно было использовать только для фланговых контрударов, и не более того. Затем он получил более серьёзные силы – 1ТА. Однако Ставка сразу же запретила её использовать в обороне, в крайнем случае, можно было запланировать её для нанесения контрударов при глубоком прорыве противника, т.к. это объединение готовили к наступлению на Украину. И лишь во второй половине мая, когда Москва окончательно определится с замыслом летней кампании, подвижные резервы, в том числе и 1ТА, будут включены в план обороны для участия в контрударах, а также с выделением им конкретного рубежа для ведения оборонительных боевых действий¹⁴³. Поэтому, если бы Н.Ф. Ватутин сосредоточил 69А и 35 гв.ск на опасных направлениях для создания тактической плотности, как это сделал К.К. Рокоссовский (передав в подчинение 13А свой резервный 18 гв.ск), он просто лишился бы большей части резервов – главного рычага влияния на оперативную обстановку. В преддверии предстоящей операции это означало заведомо обрекать себя на поражение. Особенно если противник предпринял бы не один, а два мощных удара по обороне фронта, как предполагал Н.Ф. Ватутин.

С этими его предложениями по распределению сил и средств были согласны и Г.К. Жуков, и А.М. Василевский, которые активно участвовали в разработке плана общей для Центрального и Воронежского фронтов Курской оборонительной операции.

Опираясь на изложенную выше концепцию системы обороны, Н.Ф. Ватутин предложил следующий план действий своих войск по вариантам. По его мнению, при разработке этого документа следовало обязательно решить два ключевых вопроса:

Во-первых, как не допустить глубокого вклинения врага в оборону фронта в первые, наиболее опасные несколько суток вражеского наступления и удержать его танковые соединения в тактической полосе.

Во-вторых, как снизить пробивную мощь немецких ударных групп не только путём огневого поражения бронетехники и личного состава первого и второго эшелонов, но и заставить командование противника распылять силы танковых клиньев по всему фронту, а не концентрировать их на острие главного удара.

При решении этой задачи Н.Ф. Ватутин в первую очередь рассчитывал опереться на своего важного «союзника» – местность. Удачное использование этого существенного фактора, как при подготовке Курской битвы, так и непосредственно в ходе летних боёв, было одной из характерных черт его полководческого почерка. Единственный случай, когда он был вынужден проигнорировать условия местности в ходе контрудара под Прохоровкой, привёл к тяжёлым последствиям. Изюминкой его плана явилась идея по расколу боевого клина ГА «Юг», нацеленного на Курск, путём создания мощного узла сопротивления на смежных флангах двух ударных группировок ГА «Юг» (4 ТА и АГ «Кемпф»). Н.Ф. Ватутин предполагал, что главная

¹⁴³ ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2863. Д. 426. Л. 65.

группировка Манштейна будет сосредоточена в районе Борисовка – Белгород и основные силы её нанесут удар (внутренний фронт окружения) на север, в направлении Обоянь или на северо-восток – на Прохоровку (4ТА), а войска прикрытия главной группировки (внешний фронт) – от Белгорода на восток (АГ «Кемпф») в направлении г. Короча. Но для успеха противника крайне важно, чтобы ударный клин был единым. Прорыв вдоль обоянского шоссе – самый короткий путь к Курску, в то же время здесь была хорошая возможность надежно заблокировать наступление, если правильно использовать условия местности, особенно поймы рек Ворскла, Пена, Донец и Псёл, как естественные противотанковые препятствия.

Однако быть уверенным в том, что Э.фон Манштейн двинет свои основные силы именно на Обоянь, никто не мог. К.С. Москаленко вспоминал, что, как говорил ему Н.Ф. Ватутин, *«особенность использования танкового тарана состояла в том, что Манштейн искал для него слабое место в обороне, обычно на фланге»*¹⁴⁴. Чтобы противника подтолкнуть к нанесению главного удара именно вдоль обоянского шоссе и втянуть его основную группировку в оборону фронта там, где наиболее выгодно советской стороне (а прорыв в первые дни был практически неизбежен), Н.Ф. Ватутин применил военную хитрость, которая гражданскому человеку может показаться крайне циничной. Командующий предложил выстроить оборону дивизий 6 гв. А, удерживавшей обоянское направление (67 гв., 52 гв. и 375 сд), в один эшелон, а дивизий 40 и 7 гв. А, на смежных флангах с 6 гв. А, в два эшелона, т.е. создать на армейских стыках большую тактическую плотность сил, чем в полосе армии Чистякова, в том числе и у обоянского шоссе. Учитывая, что за 67 гв.сд находилась река Пена, хотя и мелкая, но с болотистой поймой, а за 52 гв.сд и частично 375 сд танкопроходимый «коридор» – обоянское шоссе, главные события первого-второго дня наступления должны развернуться именно в полосе 52 гв.сд. Вместе с тем 40 и 7 гв. А планировалось серьёзно усилить. Первой – передать почти столько же сил и средств, сколько и 6 гв. А, а оборона второй хотя уже и имела мощное естественное усиление – реку Северский Донец, но дополнительно в её полосу планировалось нацелить значительные подвижные и противотанковые резервы фронта. Таким образом, Н.Ф. Ватутин стремился одновременно показать немецкой разведке, что обоянское направление (и обоянское шоссе), объективно самое удобное место для главного удара на Курск: самый короткий путь к их цели, а оперативная плотность советских войск здесь не слишком велика, и одновременно готовился создавать сильный противотанковый рубеж у соседей И.М. Чистякова, на тот случай, если враг ударит главными силами не на Обоянь, а на Корочу (через полосу 7 гв. А) или Суджу (40А). Следует отметить, что на необычную особенность системы обороны Воронежского фронта – относительно низкую тактическую плотность войск на наиболее вероятном направлении главного удара противника и довольно высокую – на стыках 40 и 7 гв. А с 6 гв. А, впервые обратили внимание советские военные историки полковники Г.А. Колтунов и Б.Г. Соловьев в книге «Курская битва». Однако они не объяснили её причины, а лишь отметили, что это решение *«соответствовало сложившейся обстановке»*¹⁴⁵.

Следовательно, изначально Н.Ф. Ватутин жертвовал как минимум двумя стрелковыми дивизиями, развернутыми у обоянского шоссе (52 гв. и 375 сд), подставляя их под удар значительно превосходящего неприятеля. Он не мог не понимать, что в первый день они если и не будут полностью уничтожены, то их потери окажутся очень высокими. Однако этот приём – один из распространенных в арсенале военачальников. К тому же он будет делать всё от него зависящее в части создания развитой системы обороны здесь и усиления этих дивизий противотанковыми средствами, чтобы свести к минимуму их потери в первые сутки боёв.

Но «заманить» Манштейна на обоянское направление – это полдела, главное было, чтобы его ударная группировка увязла в этом районе и не смогла двигаться дальше на север. Анализ

¹⁴⁴ Курская битва/под ред. И.В. Паротькина. М.: Наука, 1970. С. 106.

¹⁴⁵ Колтунов Г.А., Соловьев Б.Г. Курская битва. М.: Воениздат, 1970. С. 55.

обнаруженных в ЦАМО РФ документов свидетельствует, что принципиальная схема блокирования главных сил ГА «Юг», т.е. 4ТА, выглядела следующим образом. Для успешного продвижения наступающих сил противника на Курск было важно, чтобы обе части ударной группировки Манштейна, которые будут, прорывая оборону войск Ватутина, создавать внутренний (4ТА) и внешний фронты окружения (АГ «Кемпф»), двигались с одной скоростью и единым (сплошным) фронтом. Это позволяло экономно использовать соединения, концентрируя их на острие удара, затруднять оборонявшимся манёвр силами и средствами, т.е. создавать условия для быстрого преодоления рубежа 6 гв. и 7 гв. А и расширения коридора прорыва, что было крайне важно в первые дни наступления. Следовательно, левую часть боевого клина (условно «обоянскую», 4ТА) было необходимо, втянув уже в первый день в систему главной полосы армии Чистякова, как можно дольше удерживать в ней, выбивая всеми возможными средствами бронетехнику. Для этого планировались следующие мероприятия:

Во-первых, выделить 6 гв. А наибольшее количество артиллерии и других противотанковых средств, а её полосу (особенно главную) максимально «нафаршировать» минами, инженерными заграждения, создав образец современного полевого укрепления с учётом боевого опыта и передовых разработок. Чтобы её войска как можно дольше могли удерживать врага, нанося ему потери и давая возможность подтягивать свои оперативные резервы. 21 апреля 1943 г. командующий фронтом писал И.В. Сталину: *«Специально докладываю о мероприятиях по отражению крупномасштабных танковых атак. Я решил всеми способами достичь этой цели:*

а. Вооружить все части и соединения противотанковыми ружьями и противотанковой артиллерией в соответствии со штатным расписанием и обеспечить саперные и инженерные части противотанковыми ружьями сверх установленных штатов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.